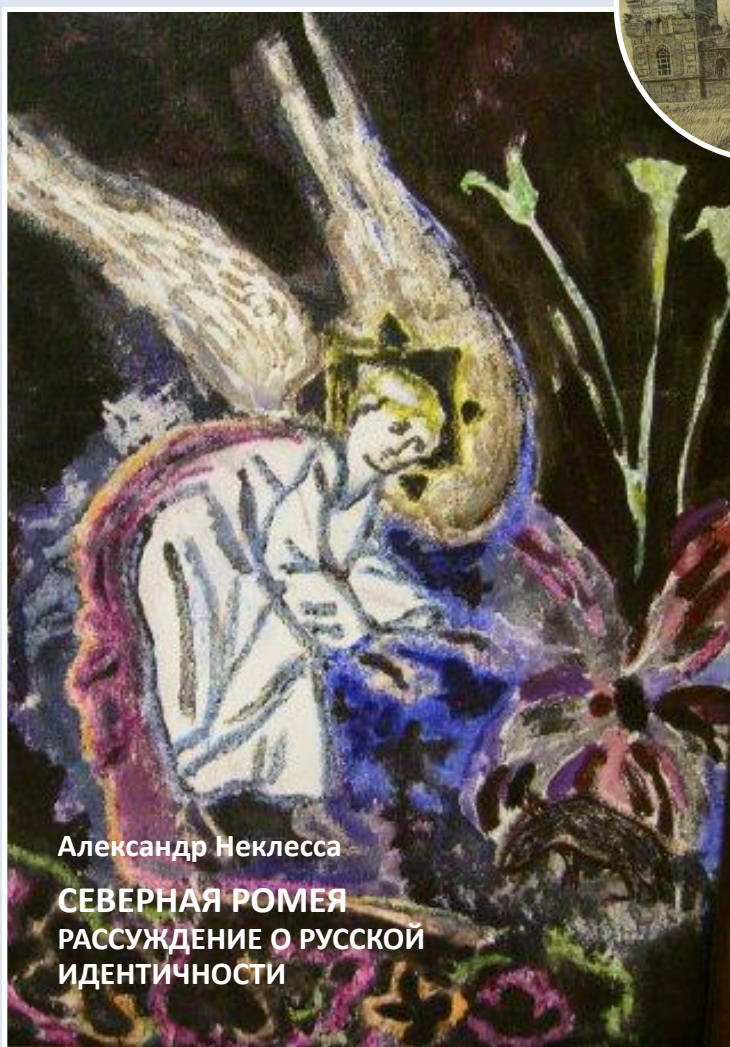

DRAFT

МОСКВА
2012

Александр Неклесса
СЕВЕРНАЯ РОМЕЯ
РАССУЖДЕНИЕ О РУССКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ» ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ РАН
КОМИССИЯ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Научное издание

А.И. Неклесса. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности // Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2012. – 41 с.

Выпускающий редактор: Татьяна Рудакова

Компьютерная верстка: Александр Бакунин

В оформлении обложки использованы картина
Елизаветы Неклесса «Сотворение животных»
и фрагмент ее графической работы без названия

© 2012, Александр Неклесса

Эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей политические, экономические форматы, близка к завершению.

Города, заселив планету, умножаются в числе; расплзаясь по планете мегаполисами, они переживают разнообразные мутации, обращаясь в хабы и терминалы многомерного метаполиса. Национальные государства утрачивают актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глокализации, субсидиарности и новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные интегрии, по-своему перемалывают состояния и границы прежних сообществ.

Страны – это люди. Количество жителей Земли прирастало за век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изоциренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия и результативность процедур. На трансграничной земле переселяются народы, творится смещение цивилизаций, ведется чреватый конфликтами диалог культур и мировоззрений. Наряду с прежней феноменологией возникают общества, выстраиваемые по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность...

Как мыслить настоящее настоящее: рефлекторно реагировать на перемены? Воспринимать ли их как смертельную угрозу стабильности? Стремиться удержать прежний смысловой и социальный порядок, апеллируя к прошлому как идеалу? Активно представлять будущее как собственную версию иного?

Ориентация в нелинейных дефинициях энергийного социокосмоса предполагает опознание его организующих начал, создание гибких прописей знания/действия на языке актуальной бесконечности, включая готовность к радикальным переменам и неожиданным приобретениям/потерям. Мировоззренческие галактики предопределяют своеобразие координат практики, аранжируют геометрию интеллектуальных пространств, диктуют права и правила – гармоник, в соответствии с которыми создаются политические и экономические оболочки. Социокультурная гравитация, притягивая либо отторгая народы, концентрирует миростроительными идеалами протееобразные туманности, фактическое тело которых соприсутствует в схожих, но порой и в различных мирах.

Иначе говоря, культурная среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив осознанного и значимого присутствия в новой зоне, а проблема идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

I. РУССКИЙ МИР: ЦИВИЛИЗАЦИЯ МНОГИХ НАРОДОВ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Русь, Россия, русские страны, страна пути, сухопутный океан, великая океаническая держава, геополитика, фронтирность, развитие, запредельность, Universum Christianum, борьба за будущее, сложное взаимодействие, сетевое сообщество, Русский мир.*

Сотни лет мы шли навстречу вьюгам.

С юга вдаль – на северо-восток.

Максимилиан Волошин

Нижеследующие размышления – взгляд на холмистый пейзаж Руси-России, ее генезис и подспудную тектонику. Имея при этом целью опознание идентичности и цивилизационной стратегии страны, с существенно изменившимся геополитическим, геоэкономическим, геокультурным содержанием, но вместе с тем – субэкумены, чьи корни имеют более чем тысячелетнюю историю.

Источником стратега мне видится концепт Русского мира, прочитанный и переосмысленный применительно к обстоятельствам XXI века. В складывающейся на планете ситуации критически важно отыскать способ гармоничного сопряжения обширных пространств, умным образом сочетая их социальное и культурное разнообразие. У продукта подобной логики возможны несколько композиций, реализация которых находится в прямой зависимости от интеллектуального, политического мастерства элиты и пассионарности народа.

Кроме того процесс геокультурного конструирования и обновления сам по себе способен рождать импульсы пробуждения, осознанного движения за счет прояснения памяти и осмысления истоков. Но главное, пожалуй – перенос акцента деятельности в грядущее, списание исторических долгов, опознание скрытых активов.

ЧТО ЕСТЬ РОССИЯ?

Право на достойное будущее и безопасность страны обеспечивается не только конкурентоспособностью экономики или боеспособностью вооруженных сил. Сами эти качества – производное от статуса общества, калибра правящего класса, его интеллектуального и властного мастерства, ибо продукция, создаваемая элитой, «постиндустриального», если можно так выразиться, свойства. Иначе говоря, она нематериальный, творческий геном, социальная плерома, посредством нисхождения которой создается национальный организм с присущими ему достоинствами и недостатками. Здесь наличествуют свои *haute couture, prêt-à-porter* и, к сожалению, дилетантство и профанация.

Другой фермент, определяющий положение страны: энтузиазм и самоощущение народа, энергетика культуры, сочетание исторической преемственности с будоражащими токами новизны. Состояние интеллектуального, культурного статуса нации, ее миростроительный горизонт, способность к трансценденции обстоятельств – долг не только правителей, но добродетель всех граждан. Само качество элиты, в конечном счете, есть производное от самосознания и позиции людей – это проецируемый в мир и будущее образ страны. На каком языке говорит Россия, о чем ее речи, кто прислушивается к ним на планете?

Мысль, творчество, душевное усилие – энергии, сопричастные не только горным мирам, но и земной практике. Люди не механизмы, судьба стран не фатальна: история – дорога, уводящая в даль за распахнутой дверью, одновременно это метафизический процесс, питаемый подвижническим наследием, токами *настоящего*, мечтой о свершениях.

Россия сегодня экономически используется окружающим миром, однако культурно им отторгается. Предъявление, прежде себе самой, но также *urbi et orbi* актуального прочтения *загадочной русской души*, ее ценностей, идеалов, мироположения – задача с очевидностью востребованная временем.

* * *

Что есть Россия? Действительно, сложный вопрос, на который вряд ли возможен однозначный ответ. Исторический опыт свидетельствует об ипостасях и версиях Руси, Ро'сии, России, о сосуществовании соцветия *русских стран*.

Причем не только в диахронном русле, считая от мозаики Руской земли (тмутороканьской, киевской, новгородской, черниговской, суздальской, рязанской, тверской и прочей удельной Руси: *Russi, Ruzzi, Rusland* или *Ρῶς, Ρωσία, Ρωσσοτα*)¹, затем вассалитета ордынского Улуг Улуса (Улуса Джучи, в поздней русской традиции – «Золотой орды»), Русского царства, Российской империи, России-СССР и, наконец, нынешней России-РФ. Но также в пространственном прочтении темы: северо-восточной Московии (Великого княжества Владимирского), иных русских земель, княжеств (Тверское, Суздальское-Нижегородское, Рязанское, Смоленское и другие), обширной северо-западной Новгородской республики (и Псковского господства), альтернативного юго-западнорусского государства – Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, включавшего киевскую митрополию, Малой, Червонной, Черной и Белой Руси.²

¹ В ранних свидетельствах используется этноним «*русь*», «*рос*» («народ *rhos*»). Так в Бертинских анналах фиксируется прибытие в 839 г. к франкскому императору Людовику Благочестивому византийского посольства, в составе которого были «*послы народа рос*», правитель коего обозначен как «*хакан*» (*chacanus*). «Русский каганат» чаще толкуется как древняя русская государственность на околонепровских землях, но, по мнению Георгия Вернадского, это район устья р. Кубани на Тамани. В «Повести временных лет» топоним «*русская земля*» определяется следующим образом: «*когда начал Михаил цесарствовать, стала называться Руская земля*». При императоре Михаиле III (время правления 842-867 гг.) состоялся военный поход Руси – «*многokrатно знаменитого*», «*чрезмерно возгордившегося*» «*народа Рос*» (патриарх Фотий) – на Византию (860 г.). После чего последовало так называемое «первое крещение Руси» и поставление Руси епископа. 862 г. – летописная дата «*призвания варягов*» («с тех варяг прозвалась Руская земля») и начала русской государственности. Как название государства «*Русь*» впервые встречается в русско-византийском торговом договоре 911 г.

² И если человеческая память избирательна, то память политическая избирательна вдвойне и втройне. По-видимому, наиболее уязвимой оказалась отчасти подзабытая, в чем-то искаженная история как раз

Названия Малая Русь и Великая Русь ведут свою родословную от византийских категорий *Μικρά Ρωσία* и *Μακρά Ρωσία*, которые использовались в церковно-административной практике, начиная с XIV века. По аналогии с терминами «Малая Греция» и «Великая Греция» византийцы под «Малой Россией» понимали митрополию (Киевскую Русь, современную Украину), а под «Великой Россией» – русские земли в широком смысле. Иначе говоря, «окормляемые» территории, примыкавшие к находящимся под непосредственной властью киевского митрополита. Схожие по смыслу выражения можно обнаружить в других языках и культурах: ср. «Малая Греция» (преимущественно Балканский полуостров) – «Великая Греция» (Μεγάλη Ἑλλάς – преимущественно греческие поселения в Южной Италии и на Сицилии), «Малая Швеция» – «Большая Швеция» (Бьярмия) или «Срединный Китай» – «Большой Китай».

Не говоря уже о восточных ареалах и подданствах, Астраханском и Казанском царствах, Сибири, других приволжских, южных и азиатских землях. Ну, а взгляды вглубь веков, можно припомнить отрывочные, смутные сведения о Куйабе, Славии, Арсании и Белой Веже, Порусье и Борусии, Рустингене и баснословном острове Буяне/Руяне, о море Руссов и Росском каганате (Ρώς, *Rhos, Rus, Ruz, Rusj, Rusy, Rut, Ruth* или восточные: *ar-Rus* – «*ар-Русийя*», *Ροχс*), легендарной юго-восточной Тьмуторокани. И заодно вспомнить о различных парагосударственных казацких – січевых, литовых-береговых, кошевых, крайних, реестровых, войсковых («полковых») множествах и политиях.³

Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского – альтернативного русского государства и поныне влияющего на судьбы своих геополитических потомков. Официальным языком Великого княжества был старорусский язык (близкий к современному белорусскому). Правовая система зафиксирована в Литовских статутах, основанных на «Русской Правде».

³ Кое-что из этого наследия и обширного политического хозяйства сохранялось в титуловании российского государя. Во времена ордынского нашествия, да и некоторое время спустя именование «Русь» удерживается именно за юго-западными землями, связанными с Великим княжеством Литовским и Русским. Правитель же, объединявший шаг за шагом северо-восточные земли, именуется «великим князем Московским». Но «в 1493 г. Литва и Москва начали переговоры по поводу заключения договора, который должен был положить конец невыносимой ситуации необъявленной пограничной войны. Чтобы обеспечить лучшие взаимоотношения с Москвой, литовцы предложили соединить браком дочь Ивана III Елену с великим князем Александром Литовским. На этих переговорах Иван III впервые в отношениях с зарубежным государством назвал себя «Государем Всея Руси». Однако формулировка «Всея Руси» не являлась изобретением Ивана III. Его предок Иван I Калита (великий князь владимирский, 1328-37, 1339-40 гг.) включил ее в свою титулатуру, следуя образцу титулов русских митрополитов. Позднее формула несколько раз появлялась в титуле московских великих князей в межкняжеских договорах, как, например, в договоре великого князя Симеона с его братьями (приблизительно в 1350 г.); в договоре Василия II с его братом Юрием (приблизительно в 1390 г.); в нескольких договорах Ивана III с удельными князьями (в 1483-86 гг.). Но в 1493 г. Иван III впервые включил выражение «Всея Руси» в свой титул на переговорах с иностранным государством, и, что особенно важно, на переговорах со страной, относительно которой оно звучало как вызов, поскольку правитель этой страны сам имел слово «Русь» в своем титуле (Великий Князь Литовский и Русский)». (Г.В. Вернадский. Россия в средние века. – М., 1997 /1958/). Титул же Ивана Грозного писался уже следующим образом: «Божиею милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всея Руси, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и иных, и всея Сибирския земли и Северныя страны Повелитель, и Государь земли Вишлянской и иных». «Россия» как официальная позиция в царской титулатуре, кажется, впервые появляется у Дмитрия (но

Обозревая обширные горизонты сослагательного наклонения и опознавая скрытые ходы действительности, задумываешься о причудливых развилках в исторической картографии и ее реализованных предназначениях.

Перемежающиеся цвета русской радуги, версии и псевдоморфозы Русьского/Русского/Русского мира проявлялись, к примеру, в династических (марьяжных) конструкциях, например, брак киевского князя Всеволода Ярославича, провозгласившего себя «князем всея Руси», с Марией – дочерью (или племянницей) императора Константина IX Мономаха в середине XI века. Посредством подобных браков примерялись и наследовались княжеские, королевские короны, формировались личные и государственные унии. Так было, когда венчались дочь Миндовга, Великого князя Литовско-Русского, и сын Даниила Галицкого – Шварн, в результате чего последний на некоторое время стал Великим князем. Или можно припомнить несостоявшийся семейный союз Великого князя Ягайло и дочери Дмитрия Донского. Ягайло выбрал другой путь: женился на Ядвиге, дочери Людвига Великого (Лайоша I), короля Венгрии и Польши из Анжуйской династии, и, приняв имя Владислава, стал королем Польши. Был и «компенсирующий» союз, когда его двоюродный брат Витаут Великий отдал дочь замуж за сына Дмитрия (Василия I). Браки обусловили появление и служили гарантией двух ключевых международных договоров Восточной Европы того времени: Кривской унии Литвы с Польшей и Островского соглашения Литвы и России.

Осмысляя судьбоносные и роковые изгибы российского маршрута, можно вспомнить нередко превратно толкуемую историю Смуты начала XVII века – с сопутствующей интригой первого и последнего в русской истории совместного венчания на престол Дмитрия и Марии. А также избрание московским царем сына короля Речи Посполитой Сигизмунда III Владислава Вазы (ставшего, в конечном счете, польским королем Владиславом IV). Сценарий противоречил интересам Англии, закладывая основу обширной континентальной супердержавы с возможностью контроля над слишком многими столь значимыми для островной экономики торговыми путями. В результате царство превратилось на время в полигон различным образом ориентированных «геополитических» партий и наемников.

до этого прослеживается в патриаршем титуле): *«Мы, пресветлейший и непобедимейший Монарх Дмитрий Иванович, Божиею милостию Цесарь и Великий Князь всея России и всех Татарских царств и иных многих Московской монархии покоренных областей Государь и Царь»*. И, наконец, титул Алексея Михайловича звучал так: *«Божиею милостию, Мы, Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Литовский, Смоленский, Тверский, Волынский, Подольский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новгорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель, и государь Иверския земли, Карталинских и Грузинских Царей, и Кабардинския земли, Черкасских и Горских Князей и иных многих государств и земель, восточных и западных и северных, отчич и дедич, и наследник, и Государь, и Обладатель»*. Ну, а в полном титуле российских императоров содержится уже 53 члена. Вспомним заодно титулование патриарха Никона как *«Божиею милостию Великий Господин и Государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Белья Росии и всеа Северныя страны и Помориа и многих государств Патриарх»*. Титул первого патриарха московского Иова: *«Святейший Патриарх царствующаго града Москвы и Великого Росийского царствия»* и *«Патриарх царствующаго града Москвы и всеа Руси»*; последнего патриарха Российской империи Адриана: *«архиепископ Московский и всея России и всех северных стран Патриарх»*.

Торговые отношения с Англией развиваются со второй половины XVI века, после квази-посольства Ченслера (пытавшегося в 1554 г. через Северный морской путь найти дорогу в Индию, но попавшего в устье Северной Двины), когда английские купцы получают право на ведение беспошлинной торговли (в преддверии Ливонской войны и в качестве амортизатора попыткам морской блокады Москвы). В Лондоне образуется Англо-Московская компания (первая подобного рода, опережая почти на полвека Ост-Индскую). В Архангельск в шестидесятые годы приходит ежегодно по 10-14 кораблей. Некоторое время торговля поддерживается также через Нарву. Из Англии идет снабжение оружием и металлом для ливонской войны, военными специалистами, мастерами корабельных и иных дел. В свою очередь Англии были предоставлены беспрецедентные по тем временам права на беспошлинный провоз товаров на Кавказ, в Центральную Азию, Персию, Индию и Китай, а также возможность создания собственных промышленных предприятий, чеканки монеты, пользования ямскими лошадьми и вообще свободный транзит в другие страны. Пытался Иван IV вести переговоры и об антипольском союзе с Англией. Степень сближения провоцировала матримониальные намерения царя (о женитьбе на «деве-королеве») и планирование дел на случай вынужденной эмиграции в Англию, обещавшую политическое убежище при неблагоприятном развитии событий в России. Иван посылал также сватов к племяннице Елизаветы Мэри Гастингс (посольство во главе с Ф.А. Писемским), но, несмотря на успешное развитие интриги, вскоре после ее начала скончался. Вслед за недолгими царствованиями Федора, Бориса, Федора, Дмитрия и Василия по договору 4 февраля 1610 года (заключен под Смоленском между Сигизмундом III и московским посольством) Владислав Ваза (14 лет) при условии принятия православия должен был занять Московский престол. По низложению Василия Шуйского московское правительство (Семибоярщина), действительно, признало Владислава царем, чеканило от имени «Владислава Жигимонтовича» монету, а 27 августа (6 сентября) 1610 года московское правительство и народ заочно присягнули ему как Московскому царю.⁴ Однако подобное изменение геополитической конфигурации Восточной Европы ставило под удар значительные английские торговые привилегии и не только их. В конечном счете, Англия поддержала антилитвинскую группировку, что позволило нанимать князей и вооружить земство, включая формирование ополчения на своей главной торговой артерии (Серебряном пути). Влияние Англии на ситуацию в России, однако, резко уменьшается после начала Английской революции и особенно после казни короля Карла I.

XVII век – время эскизов обширного восточно-европейского объединения⁵: своего рода исторической альтернативы раздробленной и слабеющей Священной Римской империи, расколотой кризисом Реформации и Тридцатилетней войной. Речь идет о замысле **северо-восточной континентальной державности** с участием различных стран и народов. В числе активов композиции была многоходовая интрига с престолонаследием и титульными притязаниями скандинавской династии Ваза.⁶ Помимо воцарения Владислава пунктир сюжета просматривался в раздумьях части партии «второго ополчения» о приглашении на русский трон Карла-Филиппа (также Ваза), позднее в проекте Речи Посполитой о наследовании Алексеем Михайловичем королевского престола (после Яна II Казимира), отчасти – в феномене Хмельницкого и появлении Гетманщины.

Замысел альянса Московского царства, Украинской Руси, Речи Посполитой (т.е. Польского королевства и Великого княжества Литовского), возможно и Скандинавии –

⁴ Владислав IV номинально владел титулом Великого князя Московского до 1634 года.

⁵ Ср. генезис единого Германского государства. Можно вспомнить также политические идеи и умопостроения, связанные с проектом герцога Сюлли и, более поздним, аббата Сен-Пьера: планами создания «христианской республики» — конфедерации христианских народов Европы.

⁶ Ср. «Ян Казимир, милостью Божьей король Польши, великий князь Литовский, Русский, Прусский, Мазовецкий, Самогитский, Ливонский, Смоленский, Северский, Черниговский, а также наследный король Шведов, Готов, Вендов».

претензия на выразительный геополитический пейзаж. Уместность подобной конструкции Северного Рима⁷ была косвенно подтверждена не только позднейшим объединением значительной части этих территорий, правда, уже с иным политическим акцентом, лишенным судьбоносного смысла, но также воспоследовавшими событиями: раздорами и восстаниями, «потопом» и «раиной», польско-шведско-российскими войнами, перманентными переделами политической географии региона. И парадоксальной социальной ориентализацией России (комплексный институт коллективного крепостничества – универсального закрепощения сословий, другие черты восточной деспотии под покровом внешней модернизации) как в том, так и в следующем веке.

РУССКИЕ СТРАНЫ

Поиск ответа на вопрос о культурно-исторической конституции российского организма – век за веком возвращавшего свое миропонимание, обретая оригинальную формулу миростроительства и колоссальную, непростую для освоения территорию – отчасти напоминает детективное расследование, когда фиксируются не только внешние обстоятельства, но и внутренние мотивации поступков. И в ходе социально-исторического процесса, в присутствии своего рода присяжных заседателей – народа, можно надеяться прозреть суть событий.

Когда-то о «*русских странах*» писали в средневековой Европе. Правда, имелись в виду, скорее всего княжества, торговые города-республики и т.п. Так, в послании папы Гонория III (февраль 1227 г.), адресованного «*ко всем правителям Руси (Руссуи)*» (*Universis regibus Russiae*), предлагается «*русским царям*» сохранять прочный мир с католиками Ливонии и Эстляндии. А в 1246 году папа дает право архиепископу Пруссии, Ливонии и Эстляндии поставлять епископов в «*русских странах*». Но вот цитата из Никоновской летописи, относящаяся к иным временам (1530 г.): «*да не погибнут без пастыря не точию едины Русские страны, но и вси православнии*». А Румянцевский летописец в следующем, XVII веке пишет «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии»: «*И реки многие истекоша, одни поидоша в Русские страны, другие – в Сибирскую землю. В реках же камень великое зело, реки же прекрасны, в них же воды сладкие, и рыб различных множество, и луги многие, и места скотопитательные, просторны зело*». ⁸

Историк и писатель Карамзин в начале XIX века по-своему аранжирует мелодику *русских стран*, подтверждая, однако же, присутствие темы в общественном сознании: «*Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо, когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его*

⁷ Можно припомнить такие рудименты имперского замысла (помимо трансформации титула), как возведение реплики города святого Петра (с Марсовым полем и т.п.) в географическом ареале северных «белых ночей».

⁸ Ср. кондак апостолу Андрею: «*Первозванного апостола Христова, Евангелия святого проповедника, Русския страны богодухновенного просветителя Андрея преславного, песньми восхвалим, стояще на версе холма, идеже Крест водрузи десница его, и ему, яко Церкви возследователю верховному, в след себе указавшему ей путь ко Христу, во умилении воззовем: Радуйся, Андрее, апостоле Христов Первозванный*».

пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбацких лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом».

В дискуссиях постсоветского времени происходит реабилитации исторической памяти. Приоткрывается забытое/закрытое равно в СССР и Российской империи летописание о множественности родоначальников и наследников *Руской земли*, о культурной, социальной, политической полифонии Русского мира. Речь идет о многоцветном, переливающимся спектре: о Руси Малой и Великой, Белой и Черной, Червонной (*Russia Rubra* – «Червона Рута») и Полоцкой, о пространствах Рутении, Галиции и Волыни, Закарпатье, Подкарпатской Руси и Буковине, Семигалии и Краины, Подолье и Холмщине, Гетманщине и Слобожанщине, Сечи и Коше, о Полесье и Залесье, о Руси Нижней и Поморской, Северо-Западной – Псковской и Новгородской. О пестрой смеси этносов и народов.

Территория Господина (т.е. *господарства, государства*) Великого Новгорода занимала не только обширную часть северо-западной Руси – с течением времени она распространилась на север до Белого моря и далее на восток за Уральский хребет. Делилась на «пятины»: *Вотскую* (около Ладожского озера), *Обонежскую* (до Белого моря), *Бежецкую* (до Мсты), *Деревскую* (до Ловати), *Шелонскую* (от Ловати до Луги). И новгородские волости: *Заволочье* (по Северной Двине от Онеги до Мезени), *Пермь* (по Вычегде и верхней Каме), *Печору* (по Печоре до Уральского хребта) и *Югру* (за Уральским хребтом). Центром специфической государственности были окрестности озер Ильменя и Ладожского. Земли по южному берегу Белого моря являлись владениями Новгорода Великого еще с начала XII века, они и есть собственно Поморье, называвшееся также Заволочьем (ниже, между верховьями рек бассейнов Балтийского и Белого морей лежит водораздел, где ладьи перетаскивались волоком).⁹ Как писал Татищев: «Общее имя Поморие, а по уездам: Архангельской, Колмоград, Вага, Тотьма, Вологда, Каргополь, Чаронда и Олонец... Есть северная часть России, в которой все по берегу Белого моря и Северного моря от границы Карелии с финнами на восток до гор Великого пояса или Урала заключается. К югу же издревле русские поначалу часть по части овладевали и к Руси приобсчали. Ныне же все оное и еще с немалою прибавкой под властью Поморской губернии состоит». Освоению Поморья придало импульс нашествие Батыя и разорение Южной Руси. Колонизация земель и ассимиляция финно-угорского населения привели к складыванию субэтнуса – поморов. С начала XVI в. Поморье, за четыре века заметно увеличившее территорию, входит в состав Московского государства. В это время Поморье составляло около 60% территории складывавшегося государства, а к середине XVI в. примерно половину. Во второй половине XVII в. в 22-х уездах Поморья проживало до миллиона человек. В этой части России никогда не было крепостного права, и основную массу населения составляли свободные «черносошные» крестьяне. Играло оно существенную роль и в экономике государства, особенно во внешней торговле. (См. И.М. Ульянов «Страна Помория»)

В 1254 г. Даниил Галицкий принял от папы римского Иннокентия IV титул «*короля Руси*», основал галицкий королевский дом. Его потомки, галицко-волынские правители в XIII-XIV вв. именовались «*Rex Russiæ*», «*Dux et Dominus Russiæ*», «*Dux totius terræ Russiæ*», «*Dux totius Rusiæ Minoris*» «*Dei gratia natus dux minoris Russiæ*» «*Dux totius terræ Russiæ, Galiciae et Lodomeriae*» (т.е. «король/князь *всёя Руси/Малыя Руси/земли Галицкой и Володимирской*»). Вот запись из Галицко-Волынской летописи: «В лѣто 6709 начало княжения великаго князя Романа, како державего бывша всей Руской земли князя галичкого. По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца *всёя Руси* <...>». Спустя время, после раздела княжества между Литвой (Волинское воеводство) и Польшей (Русское

⁹ Подробнее см. Александр Неклесса. Меморандум «Северо-Запад». Горизонты глокализации национальной государственности. (Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=63>).

воеводство) титул князей Галиции и Владимирии закрепляется за польско-венгерской Анжуйской династией, но вот характерное для Европы того времени высказывание: «*Мы в Европе знаем одну Русь — Киевскую, последним королем которой был Данило Галицкий*» (из письма Вольтера Екатерине II). Русское воеводство было ликвидировано в 1772 г. после присоединения польской Галиции к Габсбургской империи (Королевство Галиции и Лодомерии).

В 1654 г. Переяславская Рада просит о принятии Войска Запорожского (Гетманщины) под протекторат русского царя. В 1658 г. между Войском Запорожским и Речью Посполитой был подписан Гадяцкий договор. Согласно ему должно было быть создано Великое княжество Русское (в составе Киевского, Черниговского и Брацлавского воеводств), которое становилось бы третьим сувереном на равных условиях с Польской короной и Великим княжеством Литовским (ср. «Речь Посполитая Трех Народов»). В 1659 г. договор был ратифицирован сеймом, однако в урезанном виде. В результате возникшей смуты (*Раина*) предполагаемый субъект – Гетманщина, распалась на Право- и Левобережье, которое осталось в союзе с Московским царством (Андрусовское перемирие 1667 г., «Вечный мир» 1686 г.). В 1676 г. правобережная Гетманщина упраздняется. Но сохранялась как автономия в пределах Левобережной Украины под протекторатом России. Окончательно ликвидирована Екатериной II (1764).

* * *

В историческом опыте Русского мира наблюдаются разные типы обустройства власти: *вечевой, республиканский* – в Северо-Западной (Новгородской и Псковской) Руси; *феодальный, шляхетский* и параллельно «*магдебургский*» – в Руси Юго-Западной (Малой, Червонной и Белой); *самодержавный, централизованный, административно-бюрократический* – в Северо-Восточной Руси (Московии и ее восточных владениях), исторической наследнице ордынского Белого (*Сар*) царства и основы Российской империи.

Провести же линию социокультурного разлома между европейской и российской цивилизационной формулой можно не столько по конфессиональному признаку, сколько по рубежу городской культуры, т.е. границе распространения феномена городского самоуправления.

Местное, т.е. городское самоуправление («магдебургское право») начало предоставляться юго- и западнорусским городам еще в Галицко-Волинском княжестве. Первым его получил Сянок в 1339 г., Львову права предоставлены в 1356 г., Каменец-Подольску в 1374 г., Бресту в 1390 г., Гродно в 1391/1469 гг., Киеву в 1494-1497 гг., Минску в 1499 г., Могилеву в 1561/1577 гг. Витебску в 1597 г., Гомелю в 1670 г. и т.д. Область распространения примерно совпадает с восточной границей Юго-Западной Руси вплоть до верховий Днепра, включая и переходивший из рук в руки Смоленск, которому это право, возможно, даровал еще Витаут в начале XV века. (В 1611 г. город получает его от Сигизмунда III). А, скажем, Чернигов, Глухов, Кролевец, Стародуб обрели в 1618 г. после перехода Чернигово-Северщины к Польше согласно перемирию. Местное самоуправление сохранялось в западных и южных городах страны вплоть до XIX века (последним получил г. Романов в 1817 г.). В 1831 г. городское право в империи упраздняется (в Киеве ликвидировано царским указом от 04.01.1835).

Можно вспомнить и более экзотичные, *венчурные* политики, обитавшие на пограничье российских просторах, к примеру, феномен казачества с его идеалом свободной милитаризированной ассоциации, но подчас реальностью военной диктатуры. В ряду форм с особым режимом управления, наверное, место и *Славороссии* – «Русской Америки», простиравшейся некогда от Западной Аляски до Форта Росс в Калифорнии.

В сумме разноцветная сложность («Цветная Русь») могла выстроить иной каркас удержания полифоничного Русского мира на гребне исторической волны (или цунами) в

формате *русской «сетевой» интеграции*. Отсюда, наверное, более поздние попытки уже достаточно искусственного конструирования, прерванного на стадии введения в оборот недолговечных топонимов, наподобие специально измышленного для Сибири – *Зеленороссия* (Зеленая Россия) или *Голубороссия* (Голубая /Голубиная/Россия) для Поморья.

СТРАНА ПУТИ

Территория Руси/России долгое время раздвигалась и очерчивалась в соответствии с географией «путепроводов» своего времени, перерастая в пространство рассеяния («розсіяння»¹⁰) ее деятельного населения, проявлявшего себя как динамичное сообщество военно-торговых корпораций.

Рубежи подвижного пространства – суммы территориально-деятельных комплексов, обрамлены пунктирами значимых маршрутов, считая от знаменитого днепровского: «из варяг в греки». Но также «из варяг в булгары»: волжский тракт, переходящий в дорогу на Хвалынское (Каспийское) море, «к персам» («серебряный путь»). А подчас еще дальше, как путь странствий, скажем, Афанасия Никитина.¹¹ Был и «особливый янтарный путь», «заволоцкий торговый путь» и транзитное «поволочье», объединявшее реки, поймы, озера, разного рода переправы в сложные торгово-инженерные системы. И легендарная «троянова тропа». Южная граница России – фактически линия Великого шелкового пути и еще – степные тропы, протоптанные копытами кочевнических орд. А вдоль Ледовитого океана – на европейских картах XVII века обозначенного как «Гиперборейский океан», на российских же «Море-океан», «Ледовитое море», отмеченное северным, приполярным форпостом русской цивилизации: *морским* монастырем Соловки – проходил «соболиный тракт», уходивший за Урал, в «Златокипящую Мангазею». И затем чуть ли не к водам другого океана, «Восточного» или «Великого».

Преодолев границы Евразии, российская торгово-милитарная корпоративность: государственность в своеобразном облики, напоминавшем композиции Ост- и Вест- Индских компаний, в какой-то момент вышла на просторы континента, расположенного по ту сторону восточного океана. А пионерские суда устремились еще дальше – на юг, вплоть до берегов неведомой, но вскоре открытой русскими морепроходцами Антарктиды. Иными словами, в какой-то момент наметился контур даже не евразийской, но уникальной трансокеанической страны или в мечтах «русского Колумба» Григория Шелихова и «русского Писарро» Александра Баранова *«вселенской океанической державы»*.¹²

Рассуждая о пространственных измерениях российской государственности, мы забываем, что Россия исторически не только европейское или азиатское пространство. Это была страна, претендовавшая на «великую континентальную державность»¹³,

¹⁰ Ср. такой казус: «*Россія від розсіяння свого прозвалися*» («Синописис Киевский», 1674).

¹¹ «...хождение за три моря: первое море – Дербентское, дарья Хвалисская, второе море – Индийское, дарья Гундустанская, третье море – Черное, дарья Стамбульская».

¹² «Какая там Славороссия! Утвердись крепко и навеки на американских берегах Великого океана, останется одна токмо Россия – Вселенская океаническая держава».

¹³ Ср. «шестая часть света» (А.А. Краевский) или апокрифическое высказывание Петра I: «Россия не царство, а часть света» (приводится в переписке Николая Полевого с А.Х. Бенкендорфом).

присутствовавшая в один из периодов истории на трех частях света и первой дотянувшаяся до края неведомого материка – *четвертого*.

Русская Америка (*Славоросия* – мечта «морского царя» Трапезникова), охватывала Алеутские острова, Аляску, Западное побережье Америки до 55-го градуса северной широты и насчитывала 15 поселений от Ново-Архангельска на о-ве Баранов (Ситха) до форта Росс в Калифорнии. Управлялась она особым образом: посредством Русско-Американской компании¹⁴, утвержденной 8 (19) июля 1799 года императором Павлом в своих особых правах, включая флаг, деньги, административные и военные полномочия. Значительная часть торговых операций велась через Кантон. О той или иной форме ассоциации с пунктирно намеченным контуром Ново-Российской империи задумывались на тихоокеанских просторах разные персонажи, к примеру, на Гавайях.¹⁵ Осенью 1867 году Аляска была, однако, продана Александром II Соединенным Штатам.

Горизонты восточной границы империи предполагали *океанический* вектор развития, сокрытый в тенетах, казалось бы, сугубо *континентальной* державности. Образы созданных на ее «внутренних» берегах, но не удержанных плацдармов озаряются мыслью о второй, *дальне-восточной* столице: российском Царьграде, воздвигнутом на противоположном северо-западному граду святого Петра юго-восточном полюсе страны. И подобно реплике-обителю Вечного града – взыскуемому российскому земному Граалю, Константинополю: на берегу бухты Золотой Рог, возле пролива Восточный Босфор. С дремлющим под спудом обстоятельств размышлением об альтернативном, азиатско-тихоокеанском историческом сюжете, о какой-то иной судьбе Русского мира...

Все это, однако, осталось не слишком внятным миражем, историософски не осмысленным и политически не реализованным российским мегапроектом, хотя северная часть Тихого океана получила-таки на время дерзновенное наименование «Русского моря».

С позиций же историософии – сплетений метаисторического промысла и земных замыслов – встреча на окраине американского континента двух потоков христианской цивилизации представляется событием примечательным и символичным. Претензия на горную запредельность прорвала казавшиеся непреодолимыми океанические оболочки античной и средневековой ойкумены. И дала возможность *Universum Christianum*, отринув иллюзорные пределы ветхого потопа, заполнить собственным половодьем планету.

Сочетая в единое целое охваченные пробуждением миры.

* * *

Поводом для ретроспективных геополитических размышлений может послужить направленный на восток многоцветный вектор колонизируемых Великороссией земель: *Малиновый Клин* (Кубань), *Желтый Клин* (среднее и нижнее Поволжье), *Серый Клин* (юг

¹⁴ Первоначально «*Морских Северного океана вояжиров компания*» Григория Шелихова, затем некоторое время «*Северо-восточная американская компания*».

¹⁵ Осенью 1815 г. Александр Баранов (главный правитель Российско-Американской компании) послал на Гавайи доктора Георга Шеффера, получившего от Каумуалии (правителя острова Кауаи) прошение о протекторате Российской империи. Александр I и совет компании не поддержали эту инициативу «*во избежание важных неудобств*». Шеффер возвел на острове три крепости, сохранились руины одной из них – Елизаветинской.

Западной Сибири и Северный Казахстан), *Зеленый Клин* (Забайкальский, Приморский, Хабаровский края, Амурская и Сахалинская области).

По мере продвижения государства на территории удаленного и малозаселенного Дальнего Востока, рождались такие проекты, как «прошивка» России Транссибирской магистралью. Или геополитически/геоэкономически мотивированное закрепление (техническое и правовое) идеи КВЖД. Или же такие амбициозные, однако нереализованные грезы, как *Желтороссия*: проект генерала Гродекова и альтернативный по формуле исполнения (ориентированной скорее на типологию Русско-Американской компании), но аналогичный по содержанию проект Витте.¹⁶ Кстати, отзвуки замысла сохранились в планах переустройства России Петром Столыпиным.

«Желтороссия» – не слишком известное определение «русской Маньчжурии» и отчасти Туркестана. В состав ареала в перспективе могли войти пространства внешней Монголии, северо-восточного Казахстана, Южного Урала. И, возможно, сопредельные степные территории левобережного Поволжья, Калмыкии. Буддийско-ламаистская этноконфессиональная множественность «русских бурят», а в прилегавших к Поволжью просторах – «русских калмыков», смыкалась с этнокультурным пространством «русских башкир» и «русских татар», оплодотворенном, в частности, исходящими из Крыма идеями Исмаила Гаспринского о «русском исламе».¹⁷ При этом получали шанс на разрешение многие проблемные ситуации.

Дальневосточная композиция **северо-азиатской версии «великой континентальной державности»** под эгидой России выстраивалась в ходе войн, из которых мы помним преимущественно третью, российско-японскую (1903-1904 гг.) Однако уже в ходе первой — китайско-японской (1894-1895 гг.) был захвачен Порт-Артур, выкупленный затем на французские деньги и в обмен на Формозу (Тайвань). Вторая война (1900 г.) более известна под названием «восстание итэхуаней» либо как «посольский инцидент в Пекине». Менее знакомы, однако, такие ее аспекты, как штурм Благовещенска или массовое истребление христиан в Китае. В подобном контексте вызревал проект «Желтороссии», касавшийся будущего Уссурийского и Урянхайского (Тувы) краев, Порт-Артура и Маньчжурии, Квантунской области и Синьцзяна, Внешней и Внутренней Монголии, других территорий, на которые претендовала или предполагала претендовать в те годы Россия.

Проект вырастал из логики развития Транссибирской магистрали, связавшей Дальний Восток с Европой, и грандиозного плана российско-французской Транскитайской магистрали, покрывавшей в случае реализации территорию Северо-Восточной Азии от Индокитая до Владивостока, в результате чего железнодорожная сеть соединяла бы грузопотоки трех океанов. Что, имело побочный, но отнюдь не маргинальный эффект в международных отношениях: выдвижение Николаем II плана «всеобщего разоружения и вечного мира»¹⁸,

¹⁶ См. Александр Неклесса, Леонид Юзефович. Желтороссия – дальневосточная утопия России. (Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/3458-zheltorossija-dalnevostochnaja-utopija.html).

¹⁷ См. Исмаил Гаспринский. Русское мусульманство. Мысли, заметки, наблюдения. (Режим доступа: <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=200>).

¹⁸ «Охранение всеобщего мира и возможное сокращение тяготеющих над всеми народами чрезмерных вооружений являются при настоящем положении вещей целью, к которой должны бы стремиться усилия всех правительств. Все возрастающее бремя финансовых тягостей в корне расшатывает общественное благосостояние. Духовные и физические силы народов, труд и капитал

целью которого было сосредоточение финансов для железнодорожного строительства и прорывного освоения Большого Дальнего Востока.

Композиция КВЖД включала полосу отчуждения на десятки километров от полотна, где действовали не китайские и не российские законы, а «устав» – свод норм, заменявший национальные законодательства. Предусматривалось возведение десятков городов, причем строительство местной столицы – Харбина привязывалось к реке Сунгари, создавая опору сразу на два путепровода. Управление территорией должно было осуществляться военными комиссарами, для чего создавались особые войска: сунгаринское казачество и корпус пограничной стражи. Предполагалось массовое переселение кубанского казачества, переброска морским путем иных казачьих частей. Помимо приходящих на ум воспоминаний о просторных океанических эскизах Русско-Американской компании, невольно возникают параллели с парagosударственной практикой компаний, типологически схожих с Ост-Индской. Либо госкорпораций с их особыми привилегиями, частными армиями и анклавными хозяйствами уже в наши дни.

* * *

Размышляя над проблемой российской идентичности, думаю, можно согласиться с констатацией, что Россия – *страна пути*. Так она исторически строилась. Странствия, дороги, уходящие в запредельную даль «путепроводы», дерзновенность целей, обширность горизонтов, величественность миражей – все это узнаваемые ориентиры. Потому, наверное, идея экспансии, роста, развития как пути опознается в качестве русской идеи.

Но быть может *развитие* как таковое все же не является точным определением доминантной черты русской ментальности. Тем более развитие как *приобретение*. Пожалуй, здесь наличествует некая стихия, лишь попутно выводящая внутреннюю инициативу на поверхность. И непременно выходящая за пределы обыденного порядка, даже отрицающая его, т.е. это скорее развитие как *путь, уходящий и уводящий за земные пределы...* Иначе говоря, тяга к экстремальности, свойственная национальной психике, находит обоснование далеко не только в интенсивной экстравертности земных маршрутов, но лишь в психологическом и метафизическом преломлении прочитывается ее сокровенный смысл.

Анализ проблемы, предполагающий прорыв плаценты стереотипов, мог бы прояснить эту особенность русской идентичности и соответствующий ей историософский горизонт.

отвлечены в большей своей части от естественного назначения и расточаются непроизводительно. Сотни миллионов расходуются на приобретение страшных средств истребления, которые, сегодня представляясь последним словом науки, завтра должны потерять всякую цену ввиду новых изобретений. Просвещение народа и развитие его благосостояния и богатства пресекаются или направляются на ложные пути... Если бы такое положение продолжалось, оно роковым образом привело бы к тому именно бедствию, которого стремятся избежать и перед ужасами которого заранее содрогается мысль человека. Положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья – таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, Государь Император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при Высочайшем Дворе, с предложением о созыве конференции в видах обсуждения этой важной задачи» (циркулярная нота министр иностранных дел графа М.Н. Муравьева от 12.08.1898 г.). В результате в Гааге с 18/6 мая по-29/17 июня 1899 г. была проведена первая мирная конференция по разоружению (результатом деятельности которой стало в числе иных следствий учреждение Гаагского международного суда).

Вектор России как страны пространств, страны пути был прочерчен не только кросскультурными и межкультурными треками, завораживающими далями, особым географическим положением, суровым климатом, но также миссией свидетельства о Христе на Востоке, ролью альтернативного трансграничья Большой христианской цивилизации. Пронзив земли Евразии, страна устремилась в трансконтинентальную просторность, смыкаясь там с движением в противоположном направлении («посолонь») западноевропейской ветви этой же, т.е. христианской цивилизации. Предельность и напряжение, наличествующие в ощущении подобной метаисторической роли, предопределили претензии на державную, имперскую судьбу. И, в конечном счете, притязание на глобальное присутствие.

Если смотреть на ход событий подобным образом, то с позиций исторической метафизики необъятность и очертания России представляются неслучайными: колоссальная территория страны, подвижность ее границ выглядят по-своему глубоко мотивированными. Иначе говоря, этот «сухопутный океан», обладая особым смыслом и содержанием, не являлся просто перманентно и монотонно расширявшейся территорией, «географической ямой, заполненной землею и водами». Русское миропонимание видело в продвижении на северо-восток, за края ойкумены поиск пределов самого бытия, намек на возможность трансцендентального замысла, запечатленного в ощущении судьбы как миссии, исполненной исторической экспрессии. Как преследование идеала, разрушающего действительность и покушающегося на реальность.

Подобные умонастроения на протяжении длительного периода питали Россию, являясь движущей силой внутренней энергетики и внешней экспансии. В качестве некоторого аналога – который как и все аналогии хромает, но позволяет почувствовать вкус проблемы – я предложил бы задачу по определению, скажем, «национальной идеи» Древней Греции. Думаю, можно было бы услышать обоснованные построения, связанные с исторической феноменологией и оригинальными ноуменами: идеями полисной («корабельной») культуры, демократии, философии и много иного, подтвержденного убедительными тезисами и яркими афоризмами... Однако к проблеме опознания генеральной идеи древнегреческого строя, его миропонимания и стилистики миростроительства можно подойти с иной стороны. Постулировав, скажем, что таковой была идея порядка, последовательной, тотальной организации ментальной/языковой сферы – т.е. *промышления всего и вся*. В данном подходе был бы свой исторический и культурный резон. То же с Россией.

Наверное, можно пытаться распознать идентичность русского народа и удел страны через самоощущение, отмеченное «крестом» единственности и инакости, уникальности и всемирности, эсхатологичности и отверженности. Возможности свободы в героизме и грехе и вероятности обрушения в пропасть. Горделивое самосознание, уверенность в исполнении совершенно особой воли провидения предполагает не только прелесть запредельного взлета, но и познание ужасного низвержения. С потерей же цели, утратой духа и очарования русской мечты обессмысливались, начинали тускнеть, дробиться очертания обширного государства. Под вопросом, в конце концов, оказывалось само существование страны и народа как субъекта истории.¹⁹

¹⁹ Возможность пресечения исторической судьбы России предполагали в свое время даже славянофилы: «Мы вовсе не думаем, что судьбы мира заканчиваются Россией...» (И.С. Аксаков), «...если мы ошиблись, то и Россия погибнет скоро (исторически скоро), слившись так или иначе со всеми другими

Другими словами, подобное мировидение несло в себе семена настоящей трагедии.

* * *

Русское прочтение идеи *развития-пути* в историческом и географическом замысле, я воспринимаю скорее как **универсальную тягу к освоению неведомого, как принципиальную фронтирность, в том числе метафизического свойства, как стремление к преодолению любых и всяческих пределов.** Если угодно как архетип иночества и феномен казачества.

И здесь, пожалуй, еще раз отмечу общность духа продвижения, своеобразного притяжения к дальней границе у русской и американской психеи. Как-то забывается под флером идеологической конъюнктуры, что западная и восточная ветви христианской цивилизации, встретившись на краю земли – пограничье Дальнего Запада, замкнули планетарное продвижение *Universum Christianum*. При очевидных различиях они совместно вписали в исторический текст особую формулу обустройства земного общежития, запечатлев ее в «тверди и хляби» по горизонтали и по вертикали: с запада на восток и с севера на юг.²⁰ Но видится здесь также предчувствие другой встречи (с возможностью различного исхода), произошедшей в XX столетии по иным основаниям: встречи-столкновении западной и российской субэкумен – игроков, оказавшихся на противоположных полюсах ковавшейся в те годы конструкции биполярного и глобального универсума.

Стоит, наверное, отметить, что тяга к непрерывному продвижению, испытанию земных пространств на их протяженность, неприступность (своего рода «горизонтальный альпинизм»), завораживающий души идеал *high frontier* – свойство отнюдь не всех цивилизаций. Вспомним запрет на океанические путешествия в средневековом Китае, подрубивший экспансию Срединной империи, в какой-то момент опережавшую европейскую. Или упорное самостояние индийских сообществ (культурный запрет на эмиграцию), да и ряд других примеров. Конечно, тема полифонии, многообразия субэкумен, несет в себе массу обертонов. Даже энергии русской и европейской экспансий, основанные на единой метафизической позиции, развивались исходя из разных формул реализации.

БОРЬБА ЗА БУДУЩЕЕ

Россия-РФ не может вернуться ни в страну под названием Россия-СССР, ни в легендарную Российскую империю.²¹

народами Запада в виде жалкой части какой-нибудь серой, безбожной и бездушной федеральной мерзости!» (К.Н. Леонтьев). Лев Тихомиров высказывал предположение, что апокалиптический образ Вавилона, «*Жены-Любодеецы*», может при известных обстоятельствах обозначать именно Россию. Ср. размышление о перспективе национальной катастрофы, относящееся к смутному времени XX века: «*Россия как Атлантида, совсем исчезнет из мира самостоятельных держав*». М.О. Меньшиков. Дневник (1918).

²⁰ Причем в случае с Россией – с небрежно сброшенным обременением: тихоокеанской вотчиной, другим путепроводческим вектором: вертикалью, позволившей обнаружить южный и одновременно максимально «северный» континент.

²¹ «*Нет ничего странного в ностальгии по империи. Точно так же можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали масляные лампы, о былом великолепии парусного флота, о прелестной, но уже не существующей возможности проехаться в экипаже. Но ведь не бывает*

«Я испытывала такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему. Святая Россия не может погибнуть. Но Великой России, увы, больше нет». Так писала в последние годы жизни претерпевшая затем мученическую кончину святая преподобномученица Елизавета Федоровна. У страны, однако, сохраняется шанс на преодоление переживаемой человеческой катастрофы и позитивное, деятельное сопричастие в доме многих народов, выстроенном по забытым, но до конца не утраченным лекалам.

У пространств Русского мира от берегов одного «Руського моря» до другого «Русского моря» – океанического, множественность соцветий, озадачивающие измерения, сложносочетаемые вектора: восточноевропейский и евразийский, руський и российский, славянский и поволжский, центральноазиатский и кавказский, христианский и мультиконфессиональный, имперский и постсоветский. В непростом хозяйстве скручены жилы многих, порою слишком многих проблем, но ощутимо и то, что в современном лексиконе определяется как *эмерджентность*.

Можно узреть и параллель с «европейской сумятицей»: разночтениями образа Новой Европы, преодолевавшихся в ходе строительства ЕС. В Русском мире тема звучит полифоничней, с диссонирующими синкопами. Но при очевидных трудностях опрокинутое в будущее осмысление истории, идея гибкого сопряжения стран и народов, взаимосвязь которых осознается скорее при взгляде «извне», нежели «изнутри» многоликого сообщества, могла бы стать содержанием умного деяния. Без гарантий на успех, но и не без шанса достичь оно. Если, конечно, иметь в виду не возведение административного здания, а созидание многосторонней системы отношений: интенсивного взаимодействия на основе оригинальной социокультурной гравитации и некой психологической доминанты (*чертах характера*).²²

Если на данном пути удастся обрести позитивный результат, то выстраивается не просто Русский Дом, но восстающий из беспамятства Руский Град – *Гардарики* безграничной Ромеи, соприкоснувшейся с темными временами и, хочется верить, отшатнувшейся от них: обитель народов, соборное «единство в многообразии».

* * *

Концепт Русского мира неодномерен и многозначен. У него ряд регистров: от сугубо языкового или конфессионального, психологического или культурологического прочтения до стратегии ***сложного взаимодействия исторически связанных стран, близлежащих государств и территорий, сообществ и диаспор***.

России, наряду с моральной реабилитацией, декриминализацией, интеллектуальной и культурной реформацией – а это, пожалуй, наиболее актуальная и мучительная часть ее повестки, необходимы исторически мотивированные *комплексная концепция* обновления и *долгосрочная стратегия* (принципиальная позиция) взаимодействия с миром. Речь при этом

политики, идущей вразрез с реальностью» (Шарль де Голль). С анонимной маргиналией: «Разве что в России...».

²² Ср. несколько иную, но в чем-то схожую мысль: «Велико незнание России посреди России» (Н.В. Гоголь).

идет не только о возрождении национального гения, проявляющегося в состязании историософских замыслов, но также о его икономической (снисходительной) реинкарнации в практике (при удержании от деградации до карикатурной ипостаси: свободные умения обоюдоострое оружие).

Нуждаясь в проблематизации, данная установка, критически зависит от избранных акцентов, морального императива, интеллектуального мастерства, методов продвижения. Другой компонент – определение подлинной идентичности, осмысление культурного кода, предъявление его стране и миру. Следующее действие – программа обновления, не ограниченная техническим содержанием (позиционируемым как модернизация России²³), и трансляция детонирующих импульсов в семантике, учитывающей историческую специфику. Идеалы непросто отражаются в жизни, они – струны, камертоны событий, провоцируя и продуцируя формы обустройства земными умельцами быта и бытия. Лишенные музыки сфер массы – просто мышечная ткань интеллектуальной страты.

Мировоззренческие концентраты, переплавляемые пассионариями в замыслы, питают пульс истории: поиск земных подобий идеала, отблесков взыскуемого Града. Сумма знаний и метафизических открытий, душевная эмпатия и моральная целостность, извлеченные из духовных путешествий, проецируются на мир политическими текстами, претворяясь в планы и действия, облекая плотью эскиз Невидимого Града (который в лоне практики может оказаться – и такое случалось – зародышем Пандемониума).

...Придавая своеобразный колорит и аромат эпохе.

* * *

Подведем предварительные итоги.

Россия, возможно как никогда ранее, нуждается не столько в обновленной концепции геополитического либо экономического свойства, сколько в социальном, культурном, моральном возрождении. И в своей мечте.

Модель земной власти в калейдоскопичном, подвижном мире представляет цветущую сложность: полифонию культурно-исторических организмов, народов, динамичное сочетание противоречивых, умножающихся элементов практики, синергию деятельных членов общества и политического класса. Все это предполагает серьезные капиталовложения, материальные и нематериальные в человеческие качества, гражданское самосознание.

Человек, при всех недостатках, существо особое – образ и подобие живущего внутри идеала. Это *«солдат-насилъник, неожиданно для себя бросающийся под колеса повозки, чтобы спасти ребенка»*. Так что свойства грядущего мира не есть фатальность, с неизбежностью рока надвигающаяся на нас: маршрут истории намечен в сердцах и регулируется сознанием. В суете повседневности как-то забывается, что будущее есть прямой результат человеческих усилий.

²³ Подобный подход не является чем-то необычным. Органичная (гомогенная) западноевропейская модернизация, т.е. формирование общества Модернити, модифицировано исполненное также на американском и австралийском континентах, заметно разнится от догоняющей, преимущественно технологической и подчас симуляционной модернизации «восточного мира». См. Александр Неклесса, Дан Медовников «Государство и модернизация» или «Общество инноваций»? (Режим доступа: http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/6553-gosudarstvo-i-modernizaciya-ili-obshhestvo-innovacij.html).

II. СЕВЕРНАЯ РОМЕЯ: ПРОСТРАНСТВО СЛОЖНОГО ДИАЛОГА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Византия, Россия, Русь, Тартария, Московское царство, Рим, Второй Рим, Третий Рим, ойкумена, субэкумена, интегрия, империя, идентичность, фронтирность, экстремальность, христианство, исихазм, апофатизм, синергия, неопределенность, сложность, методология познания и действия, негативная диалектика, невербальный диалог.*

Несмотря на присутствие в тексте исторических, теологических и, в меньшей степени, философских аллюзий, его доминанта все же культурологическая и в некоторой степени – методологическая.

Содержательную же часть я хотел бы ограничить размышлениями о некоторых аспектах византийского воздействия на русскую культуру, повлиявших на генезис российской идентичности. И затронуть вопрос, в каких формах культурное наследие Второго Рима может быть интересно современному миру, в частности, обратив внимание на перспективность «негативной рациональности» и ее методологических производных.

СТРАНСТВУЮЩАЯ ИМПЕРИЯ

Образ цивилизации-ойкумены запечатлен в архетипе вечного Рима (*Roma Aeterna*) – странствующей империи, преодолевающей конфессиональные, этнические и географические пределы. Символизм блуждающего по планете Вечного Города – отражение тяги людей и сообществ, придерживающихся различных взглядов, к цивилизованному²⁴ обустройству земной жизни. Слабо различимый в сумраке европейской истории гамбит сюжета запечатлен, возможно, в «Илиаде» и «Одиссее»; эндшпиль – в моделях Глобального Града.

История Рима являет нам три лика: языческий, христианский, исламский, объединяя различные народы, общности, континенты: Европу, Азию, Африку. Охватив едва ли не три тысячелетия человеческой хронологии, она отмечает своими метаморфозами эпохи Античности, Средневековья, Нового времени. Есть у этой истории и пролог, строки которого, воспев прародину основателей града, удерживают фрагменты памяти о заре цивилизации.

Странствующая во времени и по планете полития (*translatio imperii*), – универсальный эскиз глобальной ойкумены: государственность, обосновавшая вектор всемирной летописи народов; полиэтничность, людское многоголосие ее родовой признак, явивший миру феномен политической интегрии: суммы народов – *империи*, прочитываемой каждый раз по-новому, меняя смыслы, смещая акценты. Очерчивая пределы актуальной ойкумены, Рим порождает

²⁴ Ср. «civilis» – цивильный, гражданский, публичный, городской, учтивый, порядочный, вежливый.

массу реплик и подражаний. Самим форматом цивилизованности человечество обязано римской государственности, ее принципами и категориями: *республика, сенат, империум, магистратура, юриспруденция* и т.д.

Свержение царя-тирана (*рекса*) – Тарквиния Гордого, стало фундаментом просуществовавшей приблизительно полтысячелетия Римской республики (*Res publica Populi Romani* или *Senatus Populusque Quiritium Romanus, SPQR*) со своими юридическими концептами и политическими механизмами, ограждавшими республиканский строй, затрудняя появление узурпаторов. Организация власти предусматривала наличие *двух* избираемых на определенный срок *консулов*, т.е. постулировалась сменяемость и коллегиальность высшей магистратуры. Власть которой в свою очередь уравнивалась *сенатом* (аристократией); плебейским *трибунатом* (с правом вето на решения консулов); народными собраниями (*комициями*); а также – коллегиальной магистратурой *цензоров*, надзиравших над государственным хозяйством, гражданским цензом (сословной принадлежностью) и всем корпусом должностных лиц (*censura morum*).²⁵ Кроме того предусматривались легальные процедуры привлечения к ответственности носителей высшей власти (*империума*).

Последующая история Рима – история *принципата, домината*, разделения на Запад и Восток. И погружения западной полусферы в эклектику темных веков с попытками восстановить, отстроить собственную версию *Orbis Romanum*, начиная с франкской империи Карла Великого (800).²⁶ Сюжет был продолжен Римской империей (962), основанной Оттоном I (*Romanorum Imperator semper Augustus*), менявшей имена и политическую значимость²⁷: Священная Римская империя (*Sacrum Romanum Imperium*), Священная Римская империя немецкой нации (*Sacrum Imperium Romanum Nationis Germanicæ* или *Sacrum Imperium Romanum Nationis Teutonicæ*), просуществовав в подвижных и мерцающих обликах до 1806 г.

Наряду с формированием Европы национальных государств, продолжали существовать такие осколки и вариации темы, как Австрийская империя и Австро-венгерская монархия (*Kaisertum Österreich*, 1804-1867 и *Die im Reichsrat vertretenen Königreiche und Länder und die Länder der heiligen ungarischen Stephanskrone*, 1867-1918). Категория «империи» постепенно приобретает метафорический характер, обозначая обширные континентальные государства: вторая Германская империя (*Deutsches Reich*, 1871-1918) и недоброй памяти несостоявшийся, неофициальный Третий Рейх (*Deutsches Reich*, 1933-1943; *Großdeutsches Reich*, 1943-1945)²⁸;

²⁵ Были к тому же формализованы ситуации, когда та или иная серьезная угроза республике все-таки требовала единовластия и предоставления особых полномочий (т.е. введения диктатуры – института *summum imperium*, при котором разделение власти приостанавливалось: *dictator optima lege creatus*). Либо возникала необходимость временного упрощения намеренно усложненной системы командования войсками или реализации режима чрезвычайного положения в провинции. Для подобных исключительных обстоятельств существовали юридические регламенты, позволявшие управлять бурными событиями законным образом, устанавливая при этом ряд привилегий/ограничений по срокам и пространству действия специальных форм правления (кризисных процедур).

²⁶ В политической логике своего времени – 68-го после низложения Константина VI римского императора. Возрожденный институт западной римской империи, однако, не получил полноценного признания на Востоке, хотя формальное признание императорского титула Карла все же было выражено Михаилом III.

²⁷ *Цесария* в российских документах позднейшей эпохи.

²⁸ Метафора Третьего Рима звучала и в Италии во времена ее объединения (Джузеппе Мадзини), и в текстах времен Муссолини.

можно припомнить первую и вторую французские империи: Наполеона I (1804-1814, 1815) и Наполеона III (1852-1870), использовавшие политические и лексические аллюзии из арсенала римской истории. А также заморские конгломераты колониальных империй во главе с британской.

Наконец, уже в наши дни – интегрируемую и интегрирующую внешнее окружение мозаичную конструкцию Европейского Союза.

* * *

Примечательна судьба «Востока» – Второго Рима, государства Βασιλεία Ῥωμαίων. Весьма различны меж собой история этой римской метаморфозы с ее взлетами, перипетиями, катастрофами и стереотипные представления о ней как о неподвижной, инертной, монолитной конструкции.

Территориальный образ христианского Рима изменчив, динамичен, однако и он не просто меняет свою размерность. Так при Юстиниане вновь проступает контур бывшего трансконтинентального гиганта. Опоясав своей телесностью прибрежные земли *Mare Mediterranea* – Средиземноморья, империя от Нового Рима-Константинополя через Анатолию доходит до рубежей Закавказья; здесь, оттолкнувшись от персидского приграничья, следует разворот к Антиохии и Святой земле; оттуда через Египет по кромке североафриканского (ливийского в терминологии времени) побережья ромейская государственность устремляется к югу Иберийского полуострова; далее, пометив Корсику, Сардинию, Сицилию, охватив Италийский сапожок и захватив Иллирийские просторы, распространяется на Север: от Греции к Болгарии, а достигнув крымского побережья Понта Эвксинского, прикасается к землям далекой Тамани – баснословной Тъмүторокани.

Но в какой-то момент даже центральные области второго Рима напоминают разбитое зеркало, разлетевшись на множество продолжающих крошиться осколков: Латинская империя и ее вассалы с вкраплениями венецианских и генуэзских анклавов, православные державы, сельджукские, а затем османские территории. Некоторое время этот властный калейдоскоп словно бы находился на историческом распутье и походил на западноевропейскую чересполосицу, разве что с более выраженным конфессиональным разнообразием: Королевство Фессалоника, Ахейское княжество, герцогства Афинское и Наксос, Морея, Кандия, королевство Кипр, царства Болгария и Сербия, Эпирское царство, Великая Влахия, Никейская и Трапезундская империи, Киликийское царство, Иконийский султанат (Рум)... Затем вновь, хотя далеко не в прежнем объеме, восстанавливается относительная целостность Византии.

Да и само последующее крушение империи, сжавшейся в ту пору фактически до размеров территории Нового Рима-Константинополя, содержит лабиринтообразный символизм, замкнув исторической метафорой (сближающей с ахейским прочтением прототипа) на противоположном берегу – на краю другого континента, орбиту перемещающегося по планете Вечного Града.

* * *

Жизненный цикл Ромеи (Ῥωμανία), государства-феникса, на этом, однако, не заканчивается. Продолжается он в иной ипостаси – исламской, удерживая, а в чем-то расширяя

территориальные пропорции Восточного Рима. Османские султаны/халифы²⁹, владельцы по-прежнему полиэтнической и трансконтинентальной, все так же расположенной на трех континентах державности, считая себя законными преемниками римской государственности, приняли, начиная с завоевателя Константинополя³⁰ Мехмеда II, символическое бремя ромейской власти – титул римского Цезаря (*Kayser-i Rum*). И носили его вплоть до окончания Первой мировой войны.³¹

В XX веке возникают политические конструкты *сообщества наций, великой державы, суперсилы, биполярного мира*, навеявая воспоминания и о вселенских амбициях отошедших в прошлое персонажей, и даже о былом противостоянии Рима и Карфагена... Ну, а ближе к нашим дням – в разговорах о *глобализации, однополярном мире, «господствующей мировой державе»*³², *Rex Americana* – мы опять-таки слышим отзвуки темы римского могущества, видим отблеск его регалий и стигматов у страны, реализующей с вершины собственного Капитолийского холма свою версию универсального присутствия в нынешней географии мира.

Имперская тема проскальзывала также в рассуждениях о *глобальной штабной экономике* и трансграничных амбициях элит как формуле постсовременной политической организации ойкумены.³³

Речь между тем вновь заходит о *великом переселении народов*, проблемах *однополюсной конструкции, глобальном кризисе*, приближении *мирового беспорядка, неосредневековье* – о ветре эпохальных перемен, шелестящем страницами истории: конце очередной ее главы и пришествии Нового мира.

Однако суть проблемы все-таки не в политической истории.

НОВЫЙ РИМ

²⁹ Султан Селим I (внук Мехмеда II), уничтожив государство мамлюков в Египте (1517), принял титул халифа, который османские правители носили до марта 1924 г.

³⁰ Новый Рим-Константинополь, ставши столицей Великого Османского Государства (عثمانیه دولت – *Devlet-i Âliyye-i Osmâniyye*), сохранял свое международно признанное имя вплоть до 1930 года, когда в ходе реформ Ататюрка было предписано использовать турецкоязычную версию топонима – Стамбул (*İstanbul*), происходящую, однако, от разговорного «ис тин πόлин» (греч. εἰς τὴν Πόλιν) – «в город» или «к городу», т.е. еще одного и, пожалуй наиболее символического, выразительного его имени: ἡ Πόλις, т.е. просто – «Город».

³¹ Можно вспомнить также греческую «Великую идею» (Μεγάλη Ἰδέα) – ирредентистский замысел о реставрации нео-Византии с центром в Константинополе (в том числе на основе политического тела Османской империи). Или связанный с данным замыслом греческий проект Екатерины II.

³² Выражение Колина Пауэлла, озвученное в бытность государственным секретарем США.

³³ «Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, и из нее нелегко выйти, – описывает положение вещей интеллектуал-финансист Джордж Сорос. – Более того, она имеет центр и периферию как настоящая империя, и центр получает выгоды за счет периферии. Еще важнее то, что система мирового капитализма проявляет империалистические тенденции... Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту. В этом отношении она мало чем отличается от империи Александра Великого или Аттилы Гунна, а ее экспансионистские тенденции могут стать началом ее гибели». Джордж Сорос. Кризис мирового капитализма (George Soros. The Crisis of Global Capitalism: Open Society Endangered, 1998).

Удивительна интенсивность духовной жизни Второго Рима: базары и арены, превращенные в места бурных дискуссий, где обсуждались не только новости повседневной практики, но с не меньшей страстностью – догматика и теологумены, прописываемой в земной летописи христианской цивилизации.

Само догматическое и церковное здание христианства обустривалось на созываемых императорами (автократами, базилевсами) вселенских и поместных соборах, в ходе борьбы с ересями за православное единомыслие. Причем с ересями, порою преследуемыми как государственное преступление, а порою – представлявшими государственную политику. Многообразие духовного творчества дополнялось необычной для своего времени и обстоятельств социальной мобильностью, когда пелена родовитых кланов, поставлявших кандидатов на императорский престол, прорывалась выходами из социальных низов: императорами становились солдат-наемник, бывший крестьянин, конюх, торговец-меняла...

Политическая жизнь Византии, несмотря на декларацию симфонии имперских и церковных властей³⁴, подчас прямо определяется как *«абсолютная власть, ограниченная легальным правом на революцию»*³⁵, т.е. она отчасти унаследовала черты той специфической организации, которая сложилось еще во времена принципата и была охарактеризована Теодором Моммзеном как *«перманентная революция»*³⁶.

Однако на излете империи реформируется прочтение христианского политического текста³⁷, переосмысливаемого как земная оболочка гармонии общежития, сообщества, соборного тела. Мировоззрение это с привкусом хилиазма и обертонами «апокалипсиса Исайи» уводит от диссонирующей подвижности *«перманентной революции»* и ревнивой симфонии к двусмысленному покою *«отмирания государства»*, претворяемого в многоцветную *«семью народа/народов»*, т.е. пассивации по образцу *«на земле мир, во человецех благоволение»*.³⁸

Тут, однако, возникает вероятность – а по сути, серьезная опасность для христианской культуры, в том числе политической – смешения категорий вечности и безвременья. Иначе говоря, искус простодушного либо вполне лукавого, *пристрастного* сближения с «азиатским» (деспотическим) идеалом неподвижности (ср. *«павильон вечного покоя»*). Соблазном, обусловленным не только привязанностью к власти, но и древней боязнью перемен – в сущности, социальным эскапизмом, что радикально отличает данное статичное, «застойное»

³⁴ См. предисловие Юстиниана I к 6-ой новелле «Новых Конституций» (Novellae Constitutione; Νεαραί): «Величайшие дары Бога людям от человеколюбия свыше данные – священство (ιερωσύνη) и царство (βασιλεία), одно, служа божественному, другое, о человеческом заботясь и управляя, – из одного и того же начала вышли и привели в порядок человеческую жизнь. Поэтому ничто так не было бы весьма желанным царству, как величавость цереев, если бы только за него самого всегда они молили Бога. Ибо если первое было бы беспорочно всесторонне и с искренностью к Богу сопричастно, второе верно и подобающим образом вверенное ему государство приводило бы в порядок, было бы согласие некое благое (συμφωνία τις ἀγαθή), что служит на пользу и благо человеческого рода».

³⁵ Gilbert Dagron. Empereur et Pretre. Etude sur le «Cesaropapisme» Byzantin (1996).

³⁶ «Римский принципат представляет собой не только на практике, но и в теории самодержавие, ограниченное революцией, которая легально признавалась перманентной».

³⁷ Т.е. «христианской республики», где правитель («верховный пастырь») «займет то же место, что Авраам в своей семье» (Томас Гоббс).

³⁸ Ср. политический идеал Михаила Ломоносова: «Тишина в мире, тишина в Росской державе, покой и здравый рассудок в обществе».

мировоззрение (сродни «дурной бесконечности») от христианского взгляда на превосходство вечности над временем как исполнение его полноты («*времени больше не будет*»). В том числе в результате человеческих усилий, определяемых как история, то есть преодоление и разделение.

* * *

Ощутимо расхождение и с западноевропейским политическим мировоззрением, формировавшимся в ходе городских революций, воплотившись в формулу национального государства как пространства «*непрерывного плебисцита*». И с воследовавшей сменой восприятия/стратегии частной духовной жизни как личной мистерии (*лестницы*), на интенсивные усилия по верификации статуса спасения (*предопределения*) в категориях успеха, причем чаще понимаемого как успех житейский.³⁹

Социокультурная динамика второго Рима, кажется, прервалась накануне возможного системного преобразования: в предрассветной дымке чудились невидимые миру, но улавливаемые внутренним оком контуры иных форм и основ организации общества. Политическое угасание империи во времена двусмысленного «Возрождения Палеологов» сопровождалось бурлением концептуального творчества, чреватым не только богословским осмыслением синергии, но и многообразных ее социокультурных следствий, всей антропологической стратегии, предвкушением трансформации, если не трансмутации, религиозных и политических институций, воплощения оригинальных общественных практик. Процесс, надо сказать, в чем-то синхронный западноевропейскому транзиту, но отличный по внутренним основаниям.⁴⁰

³⁹ Тема избранничества неоправданно сужается из-за понимания тезиса об успешном, плодотворном развитии как признаке благословения и даров Духа – верификацией их исключительно в категориях житейского благополучия, *мирского успеха*. Между тем помимо реализации таланта как харизмы *профессионального мастерства* – способности к обустройству земного Града, ослабляющего тяготы земных обременений и влияющего на градус *цивизованности* – призвание проявляется в наделении *творческим даром per se*. Но главное – обладание высшим даром *любви*, в земных обстоятельствах часто сопряженного с уделом *жертвенности* (благословении венцом мученичества). Критерий предназначения (своего рода упования) является аспектом «лестницы в миру», подпадая под подвижнический завет: «*много званых, но мало избранных*» («Евангелие от Матфея», гл. XXII, ст. 1-14). Особый разговор – об упованиях и семенах Прованса, Лангедока и о телеологии земной жизни в рамках «культуры минне».

⁴⁰ Это был параллельный ответ на кризис политэкономической системы и деградацию еkkлeсии в тенетах унаследованной от Рима державной институционализации христианства как следствие языческой традиции сакрализации принцепса («божественности Августа»), причем вне зависимости от формы ее проявления: как цезарепапизм или папоцезаризм. В Западной Европе, переживавшей в предосуществленной слитности Ренессанса синтез гуманистической (антропологической) и городской (социополитической и экономической) стратегий, прорисовывалась, скрытая суетой и родовыми муками, развилка истории, выводящая новых людей (*moderni*) на сцену новой эпохи (*modernity*). Провоцируя при этом также поиск теологической панацеи: импульсы, прочувствованные в разное время столь различными персонажами, как Франциск и Лютер. Но ответ на возможно более важный, однако слишком уж отдаленный в то время вопрос о пределах гуманизма и городской культуры оставался несформулированным, а замаячившая было разгадка – нереализованной. Борьба же за формулу обновления социополитической семантики, развернувшаяся в последний век существования Византии (в какой-то момент достигшая уровня гражданской войны) осталась незавершенной, не получив исторического разрешения. Намек на одно из возможных направлений развития общественных практик в восточноевропейском, православном мире можно при желании усмотреть в знаменитом «Ответе» нестяжателей.

Трагедия восточно-христианской цивилизации, возможно, была предопределена сложностью, нелинейностью изначально избранной траектории, парадоксом, заложенным в политическое тело и связанным с императивом осмысления в православном тексте института императорской власти: икономической, по сути, идеей плотного сосуществования земного царства и горней общности, пребывающей в искаженных грехом земных пределах.

Идеал симфонии властей предполагает как необходимое условие своего исполнения жертвенное (подвижническое) напряжение властителей, практику каждодневного преодоления конфликта страстей, т.е. ситуацию перманентно отодвигаемого кризиса⁴¹, трансгрессии, чреватой в момент той или иной слабости молниеносным развитием катастрофы... Из этого источника, кстати, проистекает чин венчания на царство как укрепляющего сакрального действия с элементами особого таинства – увенчанного мона(р)шества, фиксирующего подвиг отказа от обычной земной жизни, т.е. деятельное *«бытие для других»*: своего рода незримое белое мученичество в миру и *«в самом своем естестве»*.⁴² В отличие, скажем, от интронизации или тем более республиканской инаугурации, т.е. ритуала принесения присяги сеньору (народу), иначе говоря, версии оммажа.

* * *

Римское наследие, сохраненное и преображенное в христианской Византии, влияло на облик совокупной цивилизации, изменяло ее. Пробуждая, к примеру, токи Ренессанса, одним из источников которого был поток идей и людей, манускриптов и произведений искусства, исходящий из Нового Рима, особенно после захвата его крестоносцами в начале XIII века.

Античное же интеллектуальное наследие вместе с платоновской Академией – наиболее влиятельным философским, научным, образовательным комплексом своего времени (высланным в VI веке императором Юстинианом за пределы империи), перемещается на восток в сасанидскую Персию Хосрова Ануширвана I, в расположенный восточнее Суз Гондишапур – наряду с Александрией, Эдессой, Багдадом, Нисбисом, Мосулом, Звартноцем один из ведущих восточных «наугородов» тех дней. Обосновавшись в конце концов в византийской части Месопотамии, в приграничном Харране (центре сабеизма), Академия просуществовала до конца XI века и была одним из основных источников распространения античных философских и научных (математика, астрономия, география, естествознание) знаний.

Переписываемые, редактируемые и переводимые преимущественно на арабский язык (во времена халифата) античные трактаты заметно влияли на мусульманскую религиозную, философскую мысль. Затем это интеллектуальное наследие, многократно переведенное и частично переосмысленное (к примеру, в интерпретации аверроизма⁴³), многочисленными

⁴¹ Альтернатива чему – обожествление власти, замещающая ее одухотворение: по традиции явление вполне римское, а по своей сути языческое. Иначе говоря, растворение духовного в сакральном, персонального в политическом, личного суверенитета – в государственном.

⁴² Действительно, в России сохранялось помазание на царство миром (как особое миропомазание), а не просто освящение елеем, да и причащались цари в алтаре.

⁴³ Так средневековая Европа прочитывает Аристотеля в толковании Ибн Рушда в латинском переводе еврейского изложения комментария к арабскому тексту, основанном на сирийском переводе с греческого.

путями возвращается в христианскую ойкумену, в свою очередь, интенсивно воздействуя на теологические и философские дискуссии средневековой Европы.

А, быть может, наиболее специфическое наследие римской цивилизации – республиканское законодательство, свод римского права, транслированный в сумятицу европейской городской революции (е.г. в виде дигестов Юстиниана), судя по всему, воздействовал на взгляды и действия, приведшие к генезису республиканской государственности Нового времени, начиная с революции Соединенных провинций.

Но лишь один наследник Второго Рима совершил исторический зигзаг, отвергнув прямое наследование исторического имущества, однако же приняв крестное содержание.

ОСОБОЕ МЕСТО

Цивилизация, выражая универсальную тягу людей к обустройству мира и глобальной экспансии, вместе с тем является сообществом культурно-исторических типов, имеющих различные мироустроительные программы, вступающие в сложный, нередко чреватый конфликтами диалог. Под воздействием наследия Византии, складывалась идентичность России, впитавшая также дух экстремальности столь характерный для перманентно пограничных территорий и включивший психологическую доминанту «людей пути», их склонность к неформальности отношений.

Русский мир на протяжении своей истории сталкивался со многими искушениями. Далеко не все ему удавалось преодолеть с честью. И не во всем. Сильнейшими соблазнами среди других прельщающих обстоятельств оказались социальное и политическое имущество двух величайших земных империй: римской («византийской») и ордынской («татаро-монгольской»). Россия утверждалась в истории одновременно как христианское государство и как восточное царство. Однако в глубинном естестве она не Азия и не Европа, равно как не Евразия и не Азиопа. Московское царство мыслилось своими смиренными и горделивыми строителями, идеологами и метафизиками как особое место, средоточие «остатка» – остров верных, сберегающих истину в мире, заливаемом водами нового потопа, «*малым стадом*», наследующим землю. Спасительной и спасаемой общностью, избранным народом...

Речь шла о принятии на себя Московией роли хранителя иконы христианской ойкумены: образа вселенского православного царства, где «*несть ни эллина, ни иудея*» и где «*Господь в римскую власть написася*». Так что разговор, в сущности, шел не о прямом политическом преемстве и тем более не о бранных национальных претензиях либо государственных оболочках. Ну, а римская культура постепенно растворялась в предшествующие века еще в самой Византии и также оставалась в прошлом. Именно в миссии содержания в чистоте религиозных заветов Русия заявлялась *ортодоксальным* (православным) Третьим Римом, где русские – не этнос, а *ромей*, а Русское царство – царство *Ромейское*. Так, кстати, подчас в документах и писалось.

Действительно, в ряде текстов XVI века изначально прописано «ромейское», а не «росейское» или «росийское» (как впоследствии, а порою и до настоящего времени воспроизводилось, да и сейчас
--

воспроизводится), т.е. «великое Ромейское царствие, Третьей Рим». Но данное написание оставалось забытым и aberrация – неизвестной, кажется, вплоть до самого начала XX века.⁴⁴

Инстинкты российской энтелехии – своеобразный «русский габитус», проявлялись в собирании разноплеменных народов, в прозелитических, культуртрегерских амбициях, в освоении и присвоении мозаичных восточных и южных пространств (*ареалов окормления*). Параллельно происходило усвоение опыта, умений сопредельных народов, включая обширное ордынское наследие: процесс, напоминающий взаимопроницаемость культур Запада и Востока в эпоху крестовых походов.

В архетипическом подходе к дефиниции русской национальной идеи присутствует, конечно же, некая провокативность. Дело, пожалуй, вот в чем. В ходе обсуждений и рассуждений на тему русской идеи то и дело сталкиваешься с реестром концепций идеологического извода. Самыми яркими являются идеологемы или, как сейчас сказали бы, «мемы»: *Третий Рим, самодержавие – православие – народность, Третий Интернационал...* Список легко расширить и продолжить.

Концепция Третьего Рима обычно связывается с именем старца псковского Елеазарова монастыря Филофея: ее известные формулировки содержатся в письмах дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину «Послание о злых днех и часѣх» и Великому князю Василию III «Об исправлении Крестнаго знамения и о содомском блудѣ» (1523/1524 г.). Однако идея восстановления порушенной Византией «харизмы Константина» была сформулирована несколькими десятилетиями ранее митрополитом Зосимой в предисловии к «Изложению пасхалии на осьмую тысящу лет... в ней же чаемь всемирнаго пришествия Христова» (1492). Текст рассуждения являлся реакцией на несостоявшийся в конце седьмого тысячелетия конец света, т.е. откликом на то видение истории, где произошедшее падение Константинополя (а вскоре и Трапезундского царства) увязывалось с апокалиптическими чаяниями. Создававшаяся ситуация требовала переосмысления. Зосима предложил его в форме истолкования тезиса о первых, которые станут последними и последние первыми в следующей формулировке: «Прослави же Бог перваго царя Константина... И ныне же, в послѣднія сѣя лета, яко же и в перваа, прослави Бог... благовернаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Костянтину – Москве и всей Русской земли и иным многим землям государя». Таким образом, в тексте послания отодвигаемые по срокам эсхатологические чаяния соединялись с представлениями об исторически последнем царстве и

⁴⁴ В рассуждениях на тему «Русь и Росія» много причудливых закоулков (да еще с византийскими обертонками библейского *Рош*). Так, любопытна мысль о несознательной путанице греческих букв ρ и σ в строчном рукописании *Рѡм* и *Рѡς* и их производных. Что породило именование «росейское» и производное «Россия» (*Рѡσία, Ροσία, Ροσσία*), зафиксированное со временем в титуловании Дмитрия (Цесарь и Великий Князь всея Росии, всех Тартарских царств...). Закрепилось же оно в более привычном виде в титуле царя Алексея (Великий Государь Царь и Великий Князь... Великия и Малыя и Бѣлыя Росии), а как официальное название государства – при Петре I (Российская империя). До того, начиная с Ивана Грозного – Русское царство, а ранее – Великое княжество Московское. Выражение же Всея Руси впервые во внешнеполитических отношениях включил в свой титул Иван III (1493 г.), причем произошло это на переговорах с Великим Князем Литовским и Русским.

неявным осмыслением нового тысячелетия в миллениаристском духе.⁴⁵ Можно вспомнить в этой связи также «Повесть о Белом Клобуке». (Еще раньше – в XIV веке, т.е. до падения Константинополя, но уже с угасанием империи, притязания на преемство прослеживаются в православном царстве Сербии: Стефан IV Душан последовательно становится «*кралем и самодержцем Сербии и Романии*», «*басилевсом Сербии и Романии*», «*Rex Rasie, Imperator Romanie*». В том же веке в правление болгарского царя Ивана-Александра древний Рим в Болгарии сравнивался не с Константинополем, а со столицей Тырново – «*нашем новым Царьградом*», который «*растет и силится*».) 1492 (7000-ый от сотворения мира) год, пробудив эсхатологические ожидания и мистические аллюзии, причем не только в христианском мире, стимулировал интенсивные историософские размышления, имевшие многообразные следствия. Символизм этого года связан также с расчетами относительно дат рождения и распятия Иисуса Христа (который не мог появиться на свет в 1-ом году н.э., т.е. через 4 года после смерти Ирода). Отсюда, частично, и эсхатологические построения того времени (е.g. Николай Латынянин/Булев), связанные с 1523/24 годом. В российской же истории конец XV помимо окончания периода ордынского вассалитета отмечен сокрушением Новгородской республики Иваном III (1471 и 1478 гг.), уничтожением вечевой ее организации. В духовном же и внутривластном отношении это было время кризиса, связанного с распространением антиринитарной «ереси жидовствующих».

Тут уместно сделать одно замечание. Любопытна вероятность присутствия в сюжете некой исторической («конспирологической») интриги: внедрения социокультурного гена – идеи *Третьего Рима*, европейскими персонажами с целью выстраиванию долговременной военно-политической оппозиции России по отношению к Османской империи.⁴⁶ Или северо-западными обитателями Руси как средства удержания восточной, порою уж слишком восточной в географии и политике того времени Московии⁴⁷ от искушения принятия в культурно-политической полноте наследия распавшейся приблизительно в тот же период, что и Византия, другой вселенской империи: Ордынского царства (*Yeke Ulus – Великого улуса* или *Империи Великая Тартария* – и такое встречалось определение в европейской дипломатической переписке).⁴⁸

* * *

⁴⁵ Тем самым постулировалось царство, оправдывающее вхождение мира в восьмое тысячелетие вопреки ожиданиям конца света (вплоть до отсутствия пасхалий). Проблема же заключалась в характере нового царства. Является ли оно воспоследовавшим за «звериными империями» Царством Христа, как, в сущности, определялось Зосимой (писавшего о замене в достоинстве христианского царства павшего Константинополя Москвой – «*новым градом Константиновым*»), т.е. избежавшего темы исторической преемственности трех градов-империй? Или же речь идет о третьей версии именно Рима (как у Филофея), что с одной стороны обосновывалось рождением в нем Христа, с другой – открывало путь к сопоставлению Русского государства с четвертым царством (и его разделением) из пророчества Даниила. Другими словами – с царством антихриста, подобно бытовавшим в то время аллюзиям на тему Священной римской империи, но также в русле размышлений о причинах поругания Константинополя при одновременном сохранении католической Римской империи. Ср. описание зверя-дракона четвертого царства как трехглавого орла в пророчестве четвертой (третьей) книги Ездры, введенной в круг чтения архиепископом Геннадием, инициировавшим перевод библейских книг с Вульгаты. Вспоминается в данном контексте и «*многокрылый орел с львиными когтями*» из «Повести о псковском взятии».

⁴⁶ Ср. знаменитое «*обручение в Ватикане*».

⁴⁷ На европейских картах – западного лимитрофа «*Тартарии*», впоследствии инкорпорированной Русским царством, что, кстати, и стало основанием для соответствующего (римского) титулования государя.

⁴⁸ «*Тартария, более правильно Татария, имя применяется с некоторой степенью неопределенности к обширному региону Центральной Азии, а иногда и к части Восточной Европы. В самом широком смысле название относится ко всей области от Японского моря на востоке до Днепра на западе...*» (Encyclopædia Britannica, 1860).

На каком же фундаменте возводилось здание государства российского, впитавшего не только ордынские токи, но испытывшего также воздействие цивилизационной энергетики Второго Рима?

Наследие это, вопреки расхожим схемам, воспринято было парадоксальным образом. Не в качестве собственно византийских государственных активов, а скорее как попытка очищения от коррозии своеобразного символического капитала того времени – идеи подвижного, политически сформулированного сообщества с особым мировоззрением, мироустроительным замыслом и провиденциальной целью. При ощущении уникальности **миссии сохранения, если не плода, то цветка ромейской духовности**. Того цветка, который, несмотря на окружающие нестроения, произрастал и благоухал именно в последние века второй римской империи.

Не успевшие, однако, укорениться ростки культурного, социального пробуждения, непростые семена иного мироустройства были развеяны, рассеяны по миру. И, отчасти, перенесены на другую почву: в ареал, промышленного, но не реализованного, пребывающего в становлении, лишь начинающего постигать опыт суверенного домостроительства православного царства – *«страны великой надежды»*, состояние земель которой было осложнено долговременным властным присутствием иной имперской традиции – ордынской.

В этих условиях «благоустроителям места сего» приходилось во многом полагаться на российскую версию своеобразной *золотой легенды*.

НА КРАЮ ОЙКУМЕНИ

Претензия на всемирное обустройство, унаследованная от Рима первого и второго, оказалась необычайно близка народу-первопроходцу, обитателю «темных земель». И не покидала с тех пор его мятущуюся душу.

В сущности, на планете состязались две ветви цивилизации, несущей в своем естестве семена радикальных перемен (ἀποκατάστασις) и перманентной экспансии: поступательной, устремленной в будущее, а не «летописной» истории. С одной стороны – это европейская цивилизация, которая помимо англо-саксонской империи, *«где не заходило солнце»*, произвела на свет собственную версию вселенского мира: эпоху Нового времени (*modernity*). Породив попутно энергичное сообщество *«объединенных государств»* (*«штатов»*), выстроивших под сенью *«града на холме»* фундамент и само здание глобализации.

И не столь внятные, синкопированные, однако не менее дерзновенные, футуристичные эскизы Руси-России, которая проводила свою географическую, цивилизаторскую разведку боем, очерчивая обретаемые пространства, преодолевая в себе самой «скифский остров» – сгущавшуюся земную дикость, тьму... И одновременно грезил надмирными миражами, всемирными горизонтами, не слишком отдаляясь при этом от материнских (континентальных) пространств, но продуцируя ферменты трансграничной, планетарной, универсальной экспансии.⁴⁹

⁴⁹ Вспомним композицию герба скрывшейся в водах истории России-СССР.

Перемещались народы, объединялись многообразные окраины, у-краины, лимитрофы, пределы: запорожские и кубанские земли, донские и терские станицы... Это дух и быт людей пути, обитателей больших пространств, людей общей судьбы, переселенцев и поселенцев Урала и Поморья, энтузиастов Беловодья, Алтая⁵⁰ и соратников Ермака, яицких, амурских, дальневосточных первопроходцев, шаг за шагом раздвигавших пространство ойкумены, заселявших и обустроивавших речные, степные, горные рубежи.⁵¹ И еще – ушедшие от мира, скрывшиеся в неизведанных, «кромешных», «опрокинутых» землях монахи и старообрядцы... Все они по-своему укрупняли, творили очертания страны под стать меняющимся пропорциям и смещаемым границам мятущегося духа.

Свойством российского бытия, равно как национальной ментальности являлось парадоксальное смешение *центробежной* (географической, героической) и *центростремительной* (административной, закабаляющей) энергий, что приводило к внезапным кризисам и прорывам – сродни кесареву сечению либо преждевременным родам. Подобный контрапункт, отягощенный интенсивной экспансией (земной перенасыщенностью), отнимал силы от обустройства охваченных тонким покровом территорий. Раз за разом диссонанс проявлялся в коллизиях между незавершенной, несовершенной властной оболочкой (государством) и разноразличным⁵² сообществом (населением), пребывающим в противоречивых цивилизационных состояниях, склонным к иноверию, двоеверию, что разделяло народ на разнящиеся, порой открыто конфликтующие сегменты.

Огрехи вынужденно проступали в подобной скорописи социального текста. Но было и нечто иное. В отличие от расширения состава и обустройства гражданского общества в ходе европейских городских революций сословное неравенство не сглаживалось в русском историческом потоке. Напротив, диспропорции, усугубляемые теми или иными обстоятельствами, прорывали цивилизационную пелену, доводя в какой-то момент положение значительной части населения буквально до рабского состояния («социального каннибализма»): легальной торговли соплеменниками и единоверцами.

* * *

Россия – архипелаг разнообразных форм заселения безбрежного сухопутного океана Северной Евразии. Пространство земного бытия, расчерченное линиями старых торговых путей и новых интерцивилизационных трактов, мыслительных устремлений, военных предприятий и социальных проектов; отягощенное склонностью его обитателей к ничем не ограниченному произволу, буйной пристрастности, отвращению от планомерного освоения повседневности, уходя то в подвиги, то в грезы, впадая в запредельную жестокость, сменявшуюся

⁵⁰ Идея «особливости» тревожила не только народную душу. Так задолго до современных спекуляций на тему Гипербореи об особой географии России писал Капнист, сопоставляя Урал с Рифейскими горами, Алтай с Атласом, поминая при этом и сады Гесперид, и «славный в древности остров Атлантидский». См. Василий Капнист. Краткое изыскание о гиперборианах (1815). Подробнее см. Юрий Литвиненко. Русская Атлантида (2008; 2012).

⁵¹ Всего же на территории Российской империи обустроились земли более десятка региональных казачьих войск.

⁵² Речь, конечно, идет о широком понимании категории языка и язы'ков. Причем не только в «горизонтальном» измерении: конфессиональном, цивилизационном, этническом, но и «вертикальном», т.е. в социальном смысле данного понятия, примером чего в один из периодов русской истории является прямая языковая автаркия – франкофония верхов.

безудержным великодушием... Иначе говоря, обладающих всеми присущими данному способу бытия заблуждениями, ошибками, провалами, сантиментами.

Это еще и потоковая социальность, разъединенная обширнейшими, не слишком сросшимися пространствами, парадоксальный симбиоз разбойной вольницы с произволением местных администраций. Общественное развитие сдерживалось лоскутным характером коммуникаций, отдавая символический приоритет скорлупе централизованного аппарата, что сказывалось на конфессиональной, языковой, историко-мифологической связности, производя, закрепляя мистифицированные, нестабильные ориентиры, искусственные, спущенные сверху стереотипы, стимулируя и симулируя унификацию, вместе с тем провоцируя ее периодическое обрушение и неоархаизацию населения.

Ситуация осложнялась дополнительными делениями. Инициатива просвещенного общества – лишенного прочных оснований в специфической материальной культуре, где отсутствует полноценная городская среда необходимая для развития личности и затруднена самоорганизация – с какого-то момента расходится как с народной культурой, так и скрепами государственного устройства, рождая феномен «лишних людей». А затем становится все более критичной, конфликтогенной, оппозиционной к формам бытия тучного Левиафана.

Но тотальность российской власти (*«до всего ей есть дело»*) – не только пресловутые обручи, сдерживавшие центробежные энергии территориального гиганта. В своей патерналистской ипостаси это своеобразный субститут гражданского общества в его домостроительном аспекте. Не только политическая/экономическая реальность, но перспективы и содержание культурной политики привычно формируются здесь не обществом, а государством. Из-за подобного своеобразия гуманизация среды и гражданский прогресс остаются главной социокультурной задачей России, а также ее политическим императивом.

Альтернатива подобному сценарию – девальвация этоса, истощение пассионарности и беды архаизации.

ОБАЯНИЕ НЕВЕДОМОГО

С наследием византийским сложилась непростая ситуация. В обществе до сих пор господствует стереотип именно о политическом преемстве Руси от Византии, выраженный, к примеру, в легендах о «шапке Мономаха», «родоначальнике Прусе, потомке Августа», «бармах», «белом клобуке», «двуглавым гербе Византии»⁵³ или в поздних толкованиях тезиса о Третьем Риме...

⁵³ Двуглавый орел не являлся гербом православной Римской империи, а был эмблемой семейства Палеологов (встречался и у других знатных семейств, а также в орнаментах и деталях декора, причем не только в Новом Риме, но и в Сербии, Болгарии, Армении, Сирии), происходившего из Малой Азии, где данный символ прослеживается, в частности, в качестве символики Хеттского царства. Изображение его имеется на монетах Улуса Джучи («Золотой Орды»), отчеканенных во времена правления ханов Узбека и Джанибека и на монетах Михаила Борисовича, последнего Великого князя Тверского. А в «Хронике Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя (1416) двуглавый орел присутствует как герб Руси (Ruthenia). В западноевропейской геральдике символ появляется в XIII веке, на монетах Людвига Баварского, на гербах бургграфа Вюрцбургского и графа Савойского. Он становится государственной эмблемой Священной римской империи при Фридрихе III Габсбурге (император 1452-1492). Любопытно, что в 1483 году Конрадом Грюненбергом был разработан для Фридриха проект герба с трехглавым

Связь, действительно, существует, равно как наследие и преемственность, только в каком смысле?

Если обратиться к документам и событиям эпохи (XV-XVI века), мы видим: дело обстояло подчас едва ли не противоположным по отношению к поздним прочтениям образом. И формула Третьего Рима изначально осознавалась скорее как опровержение падшей Византии, отрясение ее праха, нежели как ощущение кровного родства и наследования... Однако **обретение православного апофатического богословия, развиваемого в Византии, познание мира удивительных энергий, постигаемых и пестуемых в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом – с изменениями, угасаниями, провалами вплоть до трагического надлома, было все же унаследовано Россией.** И унаследовано во многом в сфере практики, а не богословия. Богословия как такового в России, пожалуй, и не сложилось, а вот практика, «практическое богословие» – сложились.

Обозначившееся вскоре после падения второго Рима Русское царство, обрета со временем собственный формат имперской государственности, аккумулировав претензии на реконструкцию вселенского миропорядка и нащупав стержень оригинального замысла («идеологии»), напоминало в тот период сжатую пружину. В течение короткого исторического срока энергия преобразований сказалась не только на размерности и статусе страны, но также на самосознании народа. Эта возрастающая энергетика ввела в мировой текст деятельного персонажа, который с тех пор, несмотря на многочисленные пертурбации, вплоть до последнего времени не покидал историческую сцену.

* * *

Апофатичность, прочитанная и воспринятая как особый культурный импульс (т.е. преимущественно косвенным образом), произвела ряд отличных от первоисточника и от западноевропейских версий христианской культуры производных. Созвучных, однако, психологическому складу как раз русских очарованных странников-первопроходцев, купцов и монахов, разбойников и воевод, обитавших – вспомним об этом обстоятельстве – на краю лишь частично познанной земли-ойкумены. Христианство в апофатическом прочтении придало горный смысл этому земному продвижению, драматичному поиску *запределья*.

Попробуем воспроизвести, хотя бы списочно, качества подобного самоощущения и состояния: *запредельность*, *экстремальность*, *безымянность*, *неформальность* (небрежение формой), *противоречивость*, *профессиональный дилетантизм*, *непредсказуемость*, *новаторство*, *неряшливость*, *неприхотливость*, *суровость*, *стойкость*, *лихость*, *инакость*, *мечтательность*, *максимализм*, *утопизм*, *юродство*, *буйность*, *разгильдяйство*, *подвижничество*, *продвижение*, *освоение*, *мобилизация*, *эсхатологичность*... И даже «перестройка» в каком-то неявном виде присутствуют в данном ряду, в том числе в залоге катастрофичности, – и все вместе взятое входит в некую русскую социологию развития.

Каким образом? Одним словом не ответить. Но можно пытаться. Тяга к *запредельности*, *экстремальность* психеи пионеров и жителей *закромешья* («земли-по-ту-сторону») – «страны Рош», «Тартарии», «обители Гога и Магога», имеет не только внешние

орлом, что напоминает о символике пророчества из третьей (четвертой) книги Ездры и неоднозначной эсхатологической подоплеке концепции «Третьего Рима».

проявления. Она намекает именно на тип национальной идентичности: имманентное чувство трансцендентального замысла, тягу к нелинейной умственной геометрии, подсознательную трансграничную картографию, связанную с ощущением судьбы как миссии, наполненной дерзновенным содержанием. Русский закон – быть выше закона. Что проявляется и как рутина, и как доблесть, и как скотство.

Искаженное, неверное, подчас прямо извращенное, горделивое прочтение тезиса отзывалось в земной истории тяжкими, катастрофичными потрясениями. Но как Иона не смог отказаться от предъявленной миссии, так и для отречения от исторического промысла, от собственной идентичности (мечты) требуется, видимо, совершенно особое сверхусилие, не сулящее, однако же, ничего хорошего.

* * *

Апофатическое богопознание предполагает испытания на грани предельности. Оно, собственно говоря, и основано на перманентном обитании в подобном статусе, на решительном, но умном шаге за очерченную привычным бытием границу.

Апофатическое мировосприятие активизирует неочевидные, «темные», глубинные свойства любви как высшей ценности и реальности, предполагающей в качестве земного проявления – в условиях перманентно проявляющихся несовершенств мира – жертву. И муку, связанную с протяженным во времени ее принесением, то есть кровоточивость во плоти и терпение вне общего предела. Без любви апофатическое миропознание как опознание истины вообще невозможно, опасно и даже предосудительно: подобное действие ведет в лабиринт, из которого нет выхода. Или же во ад пустыни тесного одиночества.

Апофатический подход к миростроительству – практике земного бытия, есть самотворение и само-отворение (а подчас – искустельное/искупительное *самосожигание*). К тому же это скорее испытание мира с целью познания истины, нежели его перестройка. Схожим по целеполаганию, но не стратегии образом, катафатическое мировоззрение по-своему акцентирует онтологичность любви, творчества и свободы. Плоды же богопознания принадлежат икономии и милосердию, т.е. всем.

Однако апофатика – дорога, где очарованного странника подстерегает множество искажений: это разочаровывающее постижение «сердца сердцем» – путь ошибок и катастроф. На распахнутых, бескрайних метафизических землях тонкая грань отделяет просветление от помрачения либо извилистых путей «религиозного атеизма». Чувство становящейся едва ли не обыденной запредельности (в том числе в страдании), насыщаемое сгущающимися, но остающимися незримыми токами, отражается в социальной/политической практике, ее экзатичности, экстремальности. Порою – свирепости. Экстремальности, которая имеет как интроспективную, так и мобилизационную составляющую, требуя в том и другом случае крайнего напряжения духа, формируя привычку к непрестанному усилию, сверх-усилию. И в то же время обладает странной при взгляде извне прозаичностью, будничностью, обращаемой властью подчас в прямую эксплуатацию способности народа к предельной мобилизации.

С утратой оснований, неудержанием главного, терпение может перерождаться в тривиальную, а то и просто тупую покорность, причем чрезмерную. Героизм как воля и способность жертвенно (что практически неизбежно, ибо преодоление дурного естества сопровождается яростным сопротивлением) противостоять неблагоприятному развитию

событий, трансформируется в специфический характер, своеобразный «национальный ресурс»: способность к длительному напряжению сил, запредельную терпеливость, что слишком часто – подчеркнуто еще раз – хищнически используется властителями.

Иначе говоря, приметы культурного клише, т.е. особенности жертвенно-героического мировосприятия/поведения, не столь уж редко проявляются как пассивность по отношению к земному устройству и как умножение форм незнающего ограничений «молитвенного разбоя». Без способности к самостоянию, перманентному укреплению личности, постоянному горению, неуступчивости «до самой до смерти» к попыткам коррупции (искушениям), лукавству прагматичной конвертации наличных даров развязываются возможности деспотизма и беспредельной тирании.

Есть между тем у русской психеи даже более глубокий пласт (но данное свойство отметим лишь на полях, не углубляясь в его жгучее содержание) – безудержная устремленность к идеалу. Тяга совершенно особого рода: перфекционизм, заставляющий разрушать и отчасти презирать земное устройство как несовершенные копии недостижимого перфекта.

Это особое свойство русской психеи и особенное прочтение творчества: как искусства сокрушения несовершенств.

.....

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР

Мы живем в мире, степень субъективной неопределенности которого заметно возрастает. В конце XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше действий мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает рост технологической неопределенности – снижение надежности компонентов техносферы: закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических и социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление и реагирование политическая, деловая практика раз за разом ставят перед ЛПР (СЕО) дьявольские альтернативы. Естественно, возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. При усложнении контроля над ситуацией повышается значение креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать скоропись нестандартных обстоятельств, поддерживать активный интеллектуальный, творческий статус.

Homo sapiens способен принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных. Однако длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в пределах механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам,

аристотелизму), мы оцениваем возможности собственного естества по прописям культурного эталона, основа которого – *обобщение*⁵⁴, нисходящее на практике до *стандарта*.

* * *

Существуют различные способы организации знания. Категориальный (философский) подход был реализован в Древней Греции, где вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий («руль», «рулевой» превратился в искусство управления – κυβερνητική, крепежная скоба мачты – в ἄρμονία как эстетическую категорию и т.п.). В Элладе фактически присутствовали два облака знания: «старое/божественное» и «новое/философское». Внутренняя же организация (линейка) знания зависела от предмета исследования/применения: *бытие – человечество – изделия*.

В «старом» знании первый сегмент был доменом *мистики* (а «предметами» – мифология/музыка/гармония/эстетика), в «новом» – *теории* (предметами же являлись философия/математика/астрономия/физика). Второй ареал – знание о человеческих намерениях, действиях и последствиях, в доклассической организации знания он был представлен *фронесисом* (житейской мудростью), предметную же сферу составляли литургия и поэтика (драма); в новом знании – это *практика*, предметами которой являлись этика и политика. Наконец третий, комплексный круг знания охватывал *культивацию* мира и человека (в древнем изводе – чтимое земледелие, имевшее глубокие сакральные корни⁵⁵). А также искусства, обретенные от божественного огня – умения свободных людей, и обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные люди: т.е. технэ как мастерство. В утилитарной сфере оказалось знание о трансляции знания: частном и публичном.

В средневековой Европе возникает разделение знания на основе принципиально иного мировоззренческого подхода: христианского взгляда на принципы бытия, как явления, выходящего за пределы человеческой логики, а потому не умопостигаемого, но требующего

⁵⁴ Естественные науки явились следствием христианского переосмысления знания как следствия богопознания, реализуемого посредством испытания творения (природы), а не логически обоснованных умопостроений (спекуляций), получивших статус гипотез. Между тем эта революция лишь частично затронула сферу гуманитарного знания, исключив его из сферы объективного знания (здесь данная позиция принадлежит Откровению), ибо предмет его – творения человека, а не Творца. Но одновременно привнесла в него флер сциентизма, наложив неоправданные для рассуждения (дискурса) ограничения, ведущие на практике к редукционизму. Вследствие подобной мимикрии обобщение, обретаемое в результате рассуждения, претендует на статус хотя и транзитной, но *объективной объектности* (de jure), представляя, однако же, на деле (de facto) сумму субъектностей, прошедших семантический фильтр сознания и ассимиляцию. Другими словами, высшие постижения интегрируются с разнообразием общедисциплинарных клише и прагматичных, тактических заблуждений, ибо в гуманитарных дисциплинах отсутствует эксперимент, способный вне сферы людских суждений прояснить, легитимизовать ситуацию, представ факт. Иначе говоря, эксперимент по установлению факта замещается опытом практики, верифицирующим эффективность, и ситуационным консенсусом. Данное препятствие, кажущееся непреодолимым при катафатическом миропостижении, отчасти преодолевается при апофатическом подходе, способным помимо возможностей аналогового мышления использовать потенциал внекатегориального познания.

⁵⁵ Истоки земледелия коренятся в погребальных обрядах-жертвоприношениях, совершаемых жрецами, в форме приносимых погребаемым в виде лучших, отобранных (селективных) плодов, обильно возвращаемых затем предками в виде богатого урожая, состоящего из элитных сортов.

познания законов, установленных Творцом, через непредвзятое исследование его творений. Другими словами формируется понимание *естественных наук* как основы объективного суждения (а не наоборот), предполагающих экспериментальное исследование объектов, существующих независимо от человека (верификация гипотез). Базовые постулаты подобного подхода – контекстуальность, «бритва Оккама», воспроизводимость эксперимента. Гуманитарное же знание, включая социальное, и сфера математики, т.е. дисциплин исследующих дела людей, творения их ума, рук, сердец, постулирующих и умозрительно развивающих семантику постижения, являются *дисциплинированными* (отвечающими определенным требованиям) *рассуждениями*, сферой свободных искусств.

В зависимости от мировоззренческой позиции и миростроительных устремлений возможна организация знания на иных принципах, к примеру, на основе лишь статистической устойчивости феномена, получаемого по принципу «черного ящика», допускающая избыточность гипотез относительно характера процесса, а при высокой эффективности результата – неустойчивость при воспроизведении и даже относительную уникальность его достижения. Можно также представить организацию знания и в виде тетраметрицы, описывающей четыре ситуации: рациональное, отчуждаемое от создателя (формальное, дисциплинарное знание); рациональное, неотчуждаемое (экспертиза как персональное искусство); нерациональное, отчуждаемое (объекты художественного творчества); нерациональное и неотчуждаемое (мастерство, манифестацией которого является субъект *сам по себе*).

* * *

Человек сегодня – органичная часть управленческой механики, исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность», подвергаясь долгое время своего рода индустриализации, содействовала обезличиванию и отчуждению. Но будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди сохранили способность к операциям нестандартного свойства, подчас спонтанным, эффективным и продуктивным.

Анализируя позитивные/негативные обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем делать выводы, ведущие к кардинальному изменению процесса принятия и реализации решений. И все же в мире нарастающей мощи машин силы физического человека кажутся пошатнувшимися, его возможности – ограниченными. Обстоятельства же требуют наличия либо выявляют отсутствие уникальных ресурсов, особых человеческих качеств, указывая при этом на возможные альтернативы: киборгизацию, искусственный интеллект или эффективную методологию действий в условиях неопределенности.

Со времени мировых войн методология управления объектами, субъектами, событиями уже претерпела несколько внутривидовых революций, произведя на свет такие регламенты, как исследование операций, системный анализ, системную динамику, теорию высокоадаптивных самоорганизующихся систем. Но сейчас, по-видимому, мы находимся на пороге еще более значимого транзита.

В XX веке произошло не просто усложнение характера операций. Постепенно основным объектом внимания становится не столько *состояние* настоящего либо будущего (отложенное целеполагание), сколько сам *процесс* как практика перемен и возможный статус

бытия. Необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными ситуациями, зарождающимися на грани турбулентности и хаотизации, предопределила поиск инструментария, соответствующего конституции сложных и сверхсложных организованностей. Развиваются технологии матричного, рефлексивного, точечного, семантического, внешнего управления, исследуются возможности использования критических зон, облачных структур, терминалов, хабов, аттракторов, идеалов etc. Все это ведет, в частности, к переоценке роли антропологического фактора. Человек перестает быть операциональным элементом системы – объектом, функцией, агентом, его сознание, отношения с природой и обществом претерпевают серьезную перестройку.

Кроме того с расширением спектра значимых взаимосвязей открываются новые обстоятельства.

Выясняется, к примеру, что, как и в природных процессах, присутствие индивида в социальном космосе, его намерения нестандартным образом влияют на событийный ряд (феномен «неклассического оператора»). Субстанция бытия, ее состояния, оказывается, связаны с субъектом теснее, нежели представлялось; избранный идеал, смысловой регистр универсальным образом настраивают события, и, что важнее – определяют стратегический горизонт, а также создают режим наибольшего благоприятствования движению в избранном направлении. Или же провоцируют жесткое противодействие со стороны среды. Иначе говоря, действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения психологии либо морали, но и с позиции, которую можно определить как метафизическая, оказывается помимо прочего серьезной практической, едва ли не прагматичной проблемой.

Взаимодействуя со все более высокими уровнями сложности, постигая и формулируя статус постсекулярности, мы ощущаем соприсутствие сил, законов, конструкций, которые до конца не понимаем, однако пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем (в качестве примера укажу на такие явления, как *synchronicity* и *serendipity*). Подобный подход, позволяющий осознанно и продуктивно действовать в ситуациях серьезной неопределенности, предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы/знания от субъекта и даже метафизических обстоятельств.

* * *

Кризис взаимоотношений с возрастающей комплексностью технических, биологических, социальных, антропологических систем предвосхищает коллапс управления/контроля, равно как стимулирует грядущий прорыв к радикально иным принципам познания/действия.

Уникальность возникающих ситуаций, их подвижный характер, взаимопроникновение (диссипация), универсальная связность (голографичность), каскадная новизна, нелинейность, значительная степень критичности требуют не просто очередной ревизии привычных алгоритмов действия или даже пересмотра эпистемологического тезауруса, но изменения самого способа освоения калейдоскопичного универсума. Существующий категориальный аппарат и методы конвертации обретаемого знания (подчас прямой его редукции) в силу обнаруживаемых несовершенств все чаще используются, если можно так выразиться, метафорически, препятствуя восприятию новых ферментов и осознанию изменившихся форматов бытия. Особенно заметны подобные изъяны в сфере социальных и гуманитарных дисциплин.

Девальвация дисциплинарного консенсуса предопределила развитие таких методов, как негативная диалектика, самоорганизующаяся критичность, синергийный подход к миропознанию, миростроительству, ко всему пространству операций. И это лишь начало процесса, речь, по-видимому, идет о состязании в преадаптации – параметрах социокультурной⁵⁶ и методологической революции, об изменениях в языке и семантике, о генезисе новой рациональности и возможно фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. И не в последнюю очередь – об осмыслении самого модуса апофатического мировосприятия, а также о рецептах и сценариях постижения непостижимого, которые формулировались, развивались преимущественно в Византии в среде исихастов. В том числе, о переносе акцента на внекатегориальное опознание/осознание инакостей, когда знание оказывается не фокусировкой обретенного в разное время сообщества аргументов, но узнаванием и познанием: иначе говоря, событием встречи и обладания, т.е. фактом.⁵⁷

Наконец, не исключено, что именно апофатическое мировидение и синергийный тип мышления и сознания, способный познавать неординарные идентичности, оперировать в среде беспорядочных иерархий в условиях губительной новизны, могут стать основой следующего поколения интеллектуальных практик, послужив трамплином для витка цивилизационной динамики.

Культура вневербального постижения предполагает ориентацию в облачных структурах, особую технику взаимоотношений с иным, усилия и процедуры по удержанию неопределенной комплексности в ее существенных чертах, целостности и полноте. Другими словами, в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован специфический опыт взаимодействия с неопознанными и формально неотрефлексированными, телеологическими и теологическими измерениями бытия...

⁵⁶ Искусство Нового времени – это не религиозные артефакты и не древнегреческое «технэ», но средство трансляции мировоззрения в социальную и частную среду в том числе как средство поддержания поступательной витальности Модернити, отражавшейся в стремительной по историческим меркам смене стилей. Другими словами искусство проявляет себя в качестве продукта секуляризации как альтернативный источник и инструмент трансляции в общество ценностей и принципов: духовных, социальных, культурных координат. Революции в искусстве – тектоника социополитических потрясений, их фермент, генетика. Нынешний транзит в искусстве сопряжен со своеобразной капитализацией его нематериальной эссенции, т.е. с распространяющимся осознанием и одновременно вульгарной прагматизацией постулата: искусство это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

⁵⁷ «Бытие на разломе» предполагает иную модель параллельного сосуществования или взаимодействия противоположностей, нежели привычное понимание данной ситуации в диалектике. Разрешение ее принадлежит уже не логике и синтезу противоречивых постулатов как действия продлевающего гуманитарную легитимность вербально-ментальной конструкции (ее «второго дыхания») в качестве сложноопределившейся *intelligence (intellegentia)*. И не пробуждающему ментальную витальность ступору парадокса, антиномии или апории как предельных форм семантического апофеоза, т.е. все же оставаясь в рамках «древнегреческой парадигмы» – вербализации категории мысли (при смягчающей инобытие обобщений физической и даже антропологической визуализации речевого строя). Полноценное разрешение кризиса катафатического мировидения происходит лишь на стадии (и за счет) критического и драматического (драматического) включения самого естества мыслящего субъекта как средства удержания экзистенции в процессе осознания мучительного, но по-своему органичного (аподиктического), предродового соприсутствия контртезисов в собственном бытии, а не в обезличенном («обезглавленном»), отчужденном и экстравертированном «теле проблемы».

Возникающие в этой связи предположения, пожалуй, можно изложить следующим образом: человек в обстоятельствах принятия сложных, критических решений верно избирает и успешно преследует цели, если при этом он непрерывно беседует с Богом.

Благодарю за внимание.

АЛЕКСАНДР НЕКЛЕССА. СЕВЕРНАЯ РОМЕЯ. ПРОСТРАНСТВА СЛОЖНОГО ДИАЛОГА

РЕЗЮМЕ. *Цивилизация, выражая универсальную тягу людей к обустройству мира и глобальной экспансии, вместе с тем есть сообщество культурно-исторических типов, имеющих различные мироустроительные программы, вступающие в сложный, чреватый конфликтами диалог. Образ цивилизации-ойкумены запечатлен в архетипе вечного Рима – странствующей империи, преодолевающей конфессиональные, этнические и географические пределы. Под воздействием культурно-исторического наследия Рима Второго – Византии, складывалась идентичность России, впитавшая также дух экстремальности столь характерный для перманентно пограничных территорий и психологическую доминанту «людей пути», их склонность к неформальности отношений. Апофатическое мировосприятие, синергийный тип мышления могут стать основой нового поколения интеллектуальных практик и послужить трамплином для очередного витка цивилизационной динамики.*

ALEXANDER NEKLESSA. NORTHERN ROMEA. DIMENSIONS OF THE COMPLEX DIALOG

SUMMARY. *Civilization, while being the exponent of universal drive for arranging and tilling the world and for global expansion, is at the same time the unity of cultural-historical types that have different agendas entering into complex dialogue. The image of civilization-oecumene is imprinted in the archetype of Eternal Rome – errant empire overpassing confessional, ethnic and geographical bounds. It is amidst ascendant influence of cultural and historical heritage of Second Rome – Byzantium – that identity of Russia was forming, and the said identity absorbed, in addition to the rest, the spirit of extremity so characteristic of permanently border territories, as well as the psychological dominant of “people en route” – their disposition to non-formal character of relations. The apophatical worldview, the synergy type of thinking may become the basis of a new generation of intellectual practices, and may serve as starting point for a next circuit of civilizational dynamics.*

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель Группы ИНТЕЛПРОС. Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», являлся членом аналитической группы Совета Обороны РФ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА/«Глобальная трансформация» (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), «Камелот» (2004), «София» (2004), ВВЦ-2 /«Время-Вперед-Центр» (2009), «Феникс-К» (2010), «Большая Волхонка» (2011). Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «SYNERGIA» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Вел еженедельную аналитическую программу «Будущее» (FINAM FM).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии».

Автор приблизительно 600 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru

neklessa@intelros.ru